

На грани
БЕЗУМИЕ

АЛЕКСА ГРАНД

Безумные

Алекса Гранд

Безумие на двоих

«Автор»

2023

Гранд А.

Безумие на двоих / А. Гранд — «Автор», 2023 — (Безумные)

Матвей - парень-катастрофа. Резкий, вспыльчивый, безбашенный. Саша - его сводная сестра. Девочка - солнечный свет. Хрупкая, ранимая и храбрая одновременно. У их чувств нет шанса. У них нет будущего. Есть только безумие – одно на двоих. И путь, который им придется пройти вместе.

© Гранд А., 2023

© Автор, 2023

Алекса Гранд

Безумие на двоих

Глава 1

Саша

– Пойдем, Саша!

Иринка дергает меня за рукав, а я не могу сдвинуться с места. Рассматриваю стоящего передо мной парня с открытым ртом и разве что слюни на него не пускаю.

Высокий, не перекаченный, жилистый, он словно сошел с обложки модного журнала и улыбается краешком соблазнительных губ, заставляя рой пресловутых бабочек кружить в животе. Смоляные густые волосы косой волной падают ему на лоб, облегающий тонкий джемпер черного цвета выгодно подчеркивает рельефное тело, а темно-карие глаза с озорными искорками прожигают насквозь. Так, что сбивается дыхание и потеют ладони.

– Саша-а-а!

Выразительно шипит подруга и буквально силой утаскивает меня подальше от засунувшего руки в карманы модных дизайнерских джинсов одноклассника. Подавив разочарование, я молча следую за ней, протискиваюсь к барной стойке и приземляюсь на высокий стул, заказывая стакан ледяного яблочного сока. Чтобы остудить разгорающийся в груди пожар.

Оглядываюсь по сторонам и ловлю кайф от окружающей меня атмосферы. Качаю ногой в белоснежной кроссовке на большую платформу в такт музыке, отстукиваю пальцами ритм, наслаждаясь битами, и наблюдаю за отрывающимися на танцполе девчонками, немного им завидуя.

В столицу с мамой мы переехали только сегодня, к мужчине ее мечты, толком не разбирали вещи и уж точно не успели обзавестись знакомствами, чтобы я могла влиться в компанию наряженных студенток в ультракоротких блестящих платьях.

А мне так хочется поскорее стать «своей» в городе, о котором мечтают все мои подружки.

Перебросив длинные волосы через плечо, я делаю глоток сока, холодной лавой спускающегося по пищеводу, и не могу избавиться от ощущения, что кто-то пытается протереть дыру между моих лопаток. Так что я осторожно ставлю стакан на стойку и нарочито медленно оборачиваюсь, чтобы встретиться взглядом с поселившимся в моих мыслях брюнетом и судорожно облизать пересохшие губы.

Его внимание льстит мне и немного пугает. Сковывает конечности и запускает электрический разряд, прошивающий меня от макушки до самых пяток. Становится жарко.

– Сашка! – снова дергает меня за рукав сидящая рядом Зайцева и заставляет отвлечься от опасных гляделок. – Поверь, Матвей – не тот человек, с которым стоит водить дружбу.

И не тот человек, с которым стоит целоваться на вечеринке в честь посвящения в первокурсники. Но звезды, судя по всему, выстроились в особенный магический ряд. И я позволила себе немного забыться.

Наслаждалась чужим мятным дыханием на своей коже, замирала от прикосновения широких крепких ладоней к пояснице и тонула в манящих темных омутках.

– Почему? – с прищуром смотрю на слишком серьезную Иринку, нахмурившую брови, и думаю, что она мне просто завидует, как и большинство присутствующих здесь студенток.

Как же. Звезда потока выбрал никому неизвестную новенькую, недавно переехавшую из провинции.

– Потому что он бабник и может превратить жизнь в ад, если ты перейдешь ему дорогу, – поясняет Зайцева и складывает руки на груди в защитном жесте, обижаясь на то, что я совсем ее не слушаю.

Я же разворачиваюсь на крутящемся стуле на сто восемьдесят градусов и застываю, пока Матвей разрезает толпу острым уверенным клинком. В два счета преодолевает разделяющее нас расстояние и останавливается передо мной, широко расставив ноги. Изучает недолго, не замечая хмурой, как туча, Иринки, и протягивает мне ладонь.

– Потанцуем?

– Нет.

Грозно шепчет мне Зайцева, только я птицей слетаю к самодовольно ухмыляющемуся парню и переплетаю свои пальцы с его, ощущая, как мириады искр взрываются внутри.

Воображаемые фейерверки проносятся под потолком, ярко светит несуществующее северное сияние, и я теряюсь в затапливающем меня притяжении. Позволяю Матвею вести мою слегка ошалевшую персону на середину танцпола, где по мановению палочки сразу образуется свободное пространство для нас двоих. И с грацией кошки прижимаюсь спиной к его груди и не возражаю, когда его руки опускаются мне на бедра.

А потом мы отдаемся безумному танцу, одному на двоих, и растворяемся в мелодии, не замечая десятков пристальных взглядов. Выписываем дикие восьмерки, растворяемся в громкой звонкой музыке и заразительно смеемся, едва не сбив выскочившего неизвестно откуда нескладного парнишку в старомодных очках.

Композиции сменяют одна другую, капелька пота стекает вниз по виску и облизывает ключицу, и я витаю в облаках накрывшей меня эйфории. Веду себя развязно и раскованно и совсем не похожу на спокойную Александру, увлекающуюся игрой на фортепиано и читающей Блока.

– Пойдем освежимся, здесь душно.

Пробивается сквозь какофонию звуков хриплый низкий голос Матвея, и я с радостью хватаюсь за возможность остаться с ним наедине. Первой выскальзываю на улицу через черный выход, набираю полные легкие прохладного воздуха и любуюсь идеально-ассиметричными чертами лица нависающего надо мной брүнета.

– Красивая девочка Саша.

Выдыхает мне прямо в рот Матвей и томительно-чувственно касается губами моих губ, отчего у меня подкашиваются колени. Спускается ладонями по предплечьям, цепляет пальцами край моего свободного темно-синего джемпера и официально получает приз за лучший поцелуй, который только случался в моей жизни.

– А Ирка сказала, что ты бабник, – признаюсь неизвестно зачем, стоит нам оторваться друг от друга, и тут же прячу глаза, коря себя за глупость и несдержанность.

– Что-то еще говорила?

– Что неделю назад ты гулял с Маринкой, месяц назад с Оксанкой...

– Трепло.

С жалящей злостью цедит сквозь зубы Матвей, и я даже пугаюсь его заострившихся скул, раздувающихся крыльев носа и темнеющих глаз. Правда, длится это не больше пары секунд, и он снова превращается в нежного обходительного парня, увлекающего меня за собой в водоворот страсти. Выталкивающего меня в вакуум и заставляющего парить вместе с ним в невесомости.

И я могу стоять так у стены вечно и целоваться с Матвеем всю ночь, только в кармане узких джинсов оглушительно пикирует телефон, напоминая о том, что я обещала маме быть дома не позже двенадцати. И мне приходится выдавливать из себя неуклюжие жалкие извинения и буквально запрыгивать на ходу в подъезжающее такси, торопливо прощаясь с Мотом.

– Спасибо за вечер.

Шепчу ему я, едва не растекаясь у его ног растаявшим мороженым, и резко захлопываю дверь, борясь с желанием придумать для матери небылицу, лишь бы получить еще одну дозу чистейшего удовольствия.

За окном проносятся незнакомые пейзажи, в радиоприемнике играет какой-то попсовый хит, а я дотрагиваюсь подушечками пальцев до саднящих от поцелуев губ и не могу спуститься с небес на грешную землю.

С широчайшей улыбкой во все тридцать два зуба я выскакиваю из белого автомобиля с шашечками и ловко перепрыгиваю через ухоженный газон. Поправляю задравшийся край джемпера, нащупываю кнопку звонка и никак не ожидаю, что мою руку накроет чужая ладонь, а в нос ударит въевшийся в кожу древесно-мускусный запах.

– Матвей, что ты...

– Саша. Барина. Верно?

Киваю робко и внутренне съеживаюсь, потому что в обманчиво-вкрадчивых интонациях шкалит концентрированная всепоглощающая ненависть.

Глава 2

Саша

– Да. Почему ты...

– Заткнись.

Обрывает меня на полуслове Матвей и сбрасывает мои подрагивающие пальцы вниз, прекращая способную разбудить соседей залиvistую трель. Быстро нащупывает в карманах ключи, отпирает замок и издевательски придерживает передо мной дверь, чтобы я могла протиснуться в просторный двор с мощеной дорожкой, ведущей к двухэтажному светло-бежевому дому.

– Добро пожаловать в ад, сестренка.

Пропитанные ядом слова ударяются мне в спину и заставляют споткнуться, а цепкие пальцы, подхватывающие меня в полуметре от земли, больше пугают, нежели успокаивают. Казавшийся принцем каких-то полчаса назад парень вовсе не принц, карета превратилась в гнилую тыкву и умчала забирать какую-то другую Золушку. А Фея-крестная вряд ли предусмотрена канонами той сказки, в которую я попала.

– Тебе стоит вернуться обратно в свой Урюпинск.

– Елец.

– Без разницы.

Снова швыряет в меня обидные слова Матвей и с хмурым видом взлетает вверх по ступенькам, а я не могу избавиться от картинок, проносящихся в разноцветном калейдоскопе перед замутненным взором.

Вот Мот улыбается мне краешком губ и приглашает потанцевать. Вот бережно придерживает за талию. Вот убирает упавшую на щеку прядь волос. Вот замирает и шумно выдыхает, прежде чем подарить нежный, мучительно-сладкий поцелуй.

Не верится, что это все – один человек.

– Мот.

Шепчу еле слышно, тише, чем шелестит в пожелтевшей кроне деревьев ветер, и застываю, как вкопанная. Когда смешавший черное с белым в невообразимый рисунок и перевернувший мой мир парень оборачивается.

Его челюсть напряжена, зубы стиснуты, костяшки пальцев побелели. А зрачок полностью слился с радужкой и теперь являет собой одно огромное чернильное пятно.

Пугает до чертиков.

– Это я для своих Мот. А для тебя – Зимин Матвей Сергеевич.

Источая волны осязаемого гнева, проводит между нами черту нагло скалящийся брюнет, и именно в этот момент распаивается резная деревянная дверь и впечатывается ему в плечо.

А на пороге стоит моя мама – домашняя, без грамма косметики на фарфорово-белом лице, с волосами, убранными в наспех заколотый неаккуратный пучок. Кутается в длинный махровый халат, достающий ей до пят, и близоруко щурит глаза, как всегда забыв свои очки на тумбочке перед телевизором.

– Матвей, ты вернулся. Как хорошо. И Сашенька здесь. Заходите скорее, мы с Сережей вас ждали, – частит она и по укоренившейся привычке ерошит густые блестящие волосы Мота, не замечая, как яростно гуляют желваки у него на скулах.

И я отчаянно хочу закричать, расплакаться, как в детстве, и долго сучить ногами. А потом прижаться к матери, обхватить ее руками за талию и в малейших деталях рассказать все, что со мной приключилось. Что после дурацкой вечеринки для первокурсников противно тянет в левой части груди, что губы до сих пор горят от неправильных по определению поцелуев, а мерзавец Матвей, несмотря на отвратительный характер, представляется симпатичным и привлекательным.

Но любовь к матери вряд ли позволит мне закатить полномасштабную истерику и чисто-сердечно во всем признаться. Ведь Баринова Вера Викторовна целых восемнадцать лет отказывала себе во многом, сэкономила на гардеробе и тянула меня сама. Так что сломать замаячившее на горизонте счастье, которое позволило мягкому лучистому свету поселиться в ее васильковых глазах и стерло глубокие морщинки, было бы безобразным проявлением эгоизма.

– Добрый вечер, Сергей Федорович, – отвлекаюсь от курсирующих в мозгу по замкнутому кругу «за» и «против» и невольно сравниваю приблизившегося к маме и положившего ей ладони на плечи мужчину с Матвеем.

Зимин-старший такой же высокий и такой же жилистый. Ни грамма лишнего жира нет у него на боках, потому что он ведет активный образ жизни и постоянно тренируется в специально обустроенном для этого зале на цокольном этаже.

Его руки такие же крепкие, пальцы такие же длинные, как у Мота. А волосы так же зачесаны набок, только вот среди смоляной черноты встречаются пока еще редкие серебристые пряди.

А еще Зимин Сергей Федорович так же виртуозно умеет ставить людей в неловкое положение.

– Добрый вечер, Сашенька. Как посвящение? Познакомились с моим сыном?

Ответ на заданный вопрос битым стеклом застревает у меня во рту, и я судорожно сглатываю, изучая остановившегося за спинами у родителей Матвея. Он проводит ребром по горлу, недвусмысленно намекая, что о случившемся в клубе мне лучше молчать. И я по непонятной мне самой причине подчиняюсь, попадая под его влияние.

– Все нормально, немного потанцевали, поболтали с Иришкой, – сообщаю беспечно и стараюсь ничем не выдать, что внутри напряжена, как натянутая гитарная струна. – А с Матвеем только сейчас у ворот пересеклись.

Обычно я не умею врать виртуозно, нередко палюсь на мелочах, но сейчас получаю мягкую улыбку от мамы и снисходительный кивок от Мота. Выдыхаю неслышно, немного расслабившись, и мечтаю о том, как взлечу вверх по лестнице на второй этаж и запрусь изнутри в отведенной мне комнате.

Только вот у Сергея Федоровича на остаток дня, вернее сказать, ночи, явно другие планы.

– А пойдете чай пить. Что-то я проголодался. Составите компанию?

Озвученное дружелюбным баритоном предложение не вызывает у меня ничего, кроме неприятия. И я собираюсь улизнуть к себе, сославшись на какой-нибудь правдоподобный предлог, вроде «я очень устала и хочу спать». Но мама устремляет на меня такой просительный

взгляд, что я тут же сдаюсь и покорно бреду в кухню с множеством современной техники и огромным овальным столом посередине. Под неусыпным материнским руководством завариваю в фарфоровом чайничке горный чай и усердно натираю блюдца вафельным полотенцем.

Жду, пока горячий ароматный напиток настоится, и тогда разливаю его по чашкам. На ходу приобнимаю маму, получаю от Зимина-старшего искреннее спасибо и почему-то обижаюсь, когда Мот отставляет свою кружку в сторону и поднимается, чтобы достать из холодильника баночку ледяной колы.

Вот что я ему плохого сделала, а?

– В общем, так, Сашенька, я обо всем договорился. Заявление твое о переводе подписал, учиться будешь в одной группе с Матвеем.

И, пока я борюсь с поселившейся под ребрами досадой, Сергей Федорович решает осчастливить нас «потрясающей» новостью, от которой мы с Зиминим-младшим не приходим в дикий восторг. И если Мот молчит, резко вскидывая подбородок и дергая острым кадыком, то я все-таки нахожу в себе силы выдать блеклое.

– С-с-спасибо.

Перспектива чуть ли не каждый день находиться рядом с Матвеем, от которого исходят мощные волны осязаемой неприязни, удручает. Переезд в столицу больше не кажется подарком судьбы, и я бы с радостью отмотала события назад. Подала бы документы в какой-нибудь вуз в хмуром и влажном Питере, прошла бы конкурс где-нибудь в Ярославле или свалила бы на далекую Камчатку. Лишь бы не ерзать каждый раз на стуле, когда Мот решает прошить меня холодным пронзительным взглядом.

Странно, что никто ничего не замечает. Хотя... родители, пожалуй, слишком поглощены друг другом и захватившими их чувствами.

Свои напитки, я – чай, Мот – кока-колу, мы допиваем одновременно. Так же синхронно поднимаемся из-за стола и желаем маме с Сергеем Федоровичем доброй ночи.

Я первой выскальзываю из кухни, желая как можно скорее избавиться от давящей атмосферы. Торопливо пересекаю длинный коридор, зябко поведя плечами. И делаю несколько шагов по гладким отполированным ступеням, ощущая характерное покалывание в области поясницы.

Только вот смелости, чтобы обернуться и спросить у будущего сводного брата, почему он так откровенно на меня пялится, не хватает. Так что я лишь шумно рвано выдыхаю и трусливо поднимаюсь вверх, закусив нижнюю губу.

И если я думаю, что Матвей просто так меня отпустит, то я очень и очень сильно ошибаюсь. Он грубо хватается за плечи, стоит нам завернуть за угол, и прижимает к стене. Заполняет собой все пространство и едва не касается своим носом моего.

– Я не шутил, Саша. Вам с матерью лучше вернуться обратно.

И мне бы стоит испугаться его внезапной агрессии и безумно горящих глаз, только вот близость поджарого тела вызывает любые эмоции, кроме страха. В жидкий огонь превращается кровь, приливает к вискам и заставляет гордо вкинуть подбородок.

– А тебе лучше быть более гостеприимным или отвалить.

Подаюсь Моту навстречу, играя на его нервах, и целых три секунды наслаждаюсь его недоумением. Настолько хватает моей храбрости. А потом ловко ныряю ему под руку и спасаюсь бегством, стремительно захлопывая за собой дверь и запирая ее на ключ.

Сердце колотится в горле, зубы стучат, как от озноба, а ударяющееся в разделяющую нас преграду «ты еще пожалеешь» пробуждает желание эмигрировать в другую страну. И я застываю, обхватывая себя за плечи, и оседаю вниз по стене, испуская вздох облегчения при звуке отдаляющихся пружинящих шагов.

Невероятно, но чудесная сказка может в одно мгновение превратиться в ужасный кошмар.

Вместо небольшой однушки в захолустье мы с мамой переселились в самый настоящий дворец с уютно обставленными комнатами. Мне досталась идеальная спальня с большой мягкой кроватью, нежно-сиреневым пушистым одеялом и грудой подушек разных форм и размеров. На окне висят идеальные фиолетовые шторы, в углу примостился офигенный бинбэг, а под ногами лежит светло-бежевый приятный на ощупь ковер.

В пользование мне перешел новенький макбук, старенькому смартфону на смену пришло модное «яблоко», и на карточку «вдруг» упала внушительная сумма. Чтобы я смогла обновить гардероб и не выделяться на фоне остальных ребят, щеголяя обыкновенными джинсами неизвестной марки и растянутым любимым свитером.

Только вот все эти прелести меркнут на фоне возненавидевшего меня Матвея. И я совсем не уверена, что смогу без потерь проскочить это противостояние.

Ночь на новом месте проходит отвратительно. Я долго не могу сомкнуть глаз, постоянно ворочаюсь, а потом проваливаюсь в вязкое темное забытие. Вижу склонившегося надо мной Мота, слышу его «давай освежимся, здесь душно» и просыпаюсь совершенно разбитая.

Пожалуй, если бы Эдвард Мунк жил в наше время, то свою картину «Крик» он бы писал с моего помятого лица.

– Доброе утро, Сашенька. Замечательно выглядишь.

Безбожно льстит Сергей Федорович, когда я последней занимаю место за столом и тщательно размазываю кусок масла по хрустящему румяному тосту. Не нахожусь, что ответить на сомнительный комплимент, и тихо радуюсь, изучая такого же хмурого и сонного Матвея.

На какое-то время в кухне воцаряется благодатная уютная тишина, и мне удастся затолкать в себя завтрак и ни разу не подавиться яйцом, помидором и сыром. Что вполне можно занести в плюсы сегодняшнего утра. И я опрометчиво расслабляюсь, решив, что неприятности закончились вчера, и подношу кружку с кофе ко рту, когда родители снова ошарашивают нас с Зиминым-младшим «приятным» известием.

– Мы с Сережей поедem рестораны смотреть, а Матвей отвезет тебя по магазинам.

Меня? По магазинам? У Мота есть права?

Грядущий совместный вояж в одном транспортном средстве пугает меня примерно так же, как стиснутая челюсть сводного брата. И я с грохотом ставлю чашку на стол, расплескивая черно-коричневый напиток по белоснежной скатерти, и спешу отказаться от щедрого предложения.

– Не стоит из-за меня беспокоиться. Я сама стоняю, возьму такси...

– Матвею не сложно, – Сергей Федорович перебивает меня на полуслове и с нажимом обращается к сыну: – правда, Матвей?

– Правда.

Сквозь зубы цедит Мот и, не удостоив меня вниманием, ожесточенно режет несчастный бекон в квадратной черной тарелке.

Глава 3

Мот

Настроение официально дно.

Я собирался подрифтить с пацанами, сожрать по гамбургеру и после этого завалиться в кино. Вместо этого, благодаря папаше, мне придется везти сидящую напротив трепетную лань в торговый центр и убить на ее шоппинг хрен знает сколько времени.

Так себе перспектива, если честно.

А лань, кстати, хороша. Сидит глазищами хлопает, губу свою пухлую прикусила, осталось слезу пустить, и абзац. В общем, отказывать ей при родителях точно не вариант.

– Правда.

Ставлю жирный крест на своих грандиозных планах и отбиваю сообщение Кресту, чтоб не ждали. Доедаю яйцо с беконом и нарочито медленно вытираю салфеткой рот, наблюдая, как поспешно Александра прячет взгляд в своей тарелке.

– Матвей, покажи Сане Коломенское. Или смотайтесь на ВДНХ, – продолжает крупница за крупницей уничтожать мое терпение отец, но я держусь и киваю головой, как китайский болванчик.

Потому что спорить с ним, судя по всему, бесполезно. Старшая Баринова нашла путь к его сердцу через солянку с четырьмя видами мяса и кулебяку с капустой и теперь веревки из него вьет. И это его увлечение намного серьезнее пяти предыдущих, если они с Верой Викторной уже подали заявление в ЗАГС.

С приклеенной, напрочь пропитанной фальшивой улыбкой я провожаю старшее поколение до двери, за спиной у меня маячит Александра со шлейфом легких цитрусовых духов. Которые я бы назвал клевыми на любой другой девушке, но на ней они меня бесят.

– Тащи свою задницу в гараж. У тебя пять минут.

Цежу сквозь зубы девчонке, когда за родичами простывает след, и, не оборачиваясь, выхожу на улицу. Чтобы там сделать несколько глубоких глотков воздуха и выбить из легких чертов грейпфрутово-лимонный аромат. Такой же прилипчивый, как и его владельца.

Поднимаю вверх руки, долго сладко потягиваюсь и думаю, что не прочь встрять в хорошую драчку, дабы избавиться от скопившегося напряжения. Оно мощным потоком течет по венам, заполняет каждую клеточку и концентрируется под ребрами отвратительной кляксой.

А еще заставляет с утроенной силой ненавидеть себя за то, что случилось в клубе. Учитывая тот факт, что девчонка, на которую я умудрился запасть на один вечер, вдруг оказалась моей будущей сводной сестрой. Жесть.

– Что так долго? – срываю свою злость на вылетающей на ступеньки Александре и краем глаза оцениваю упругие бедра, обтянутые слишком узкими синими джинсами. Задерживаюсь на простенькой черной водолазке, подчеркивающей аккуратную высокую грудь, и мысленно матерюсь.

Бесит.

– Всего три минуты прошло, – пытается вступить со мной в спор Саша, но я большим пальцем запечатываю ее губы, окунаясь в возмущенное недоумение в мерцающих васильковых глазах, и криво ухмыляюсь.

– Плевать. Погнали.

И стоит только Бариновой опустить свой зад на пассажирское сиденье моего авто, как я устраиваю нам с ней самое настоящее ралли. С диким ревом выезжаю со двора, вскоре вклиниваясь в стремительный поток на магистрали и так нагло нарушаю правила, что Александра жмурится и впивается тонкими пальцами в подлокотник.

Я ловлю несколько камер, не заботясь о штрафах, которые лягут на стол секретарю отца, и едва уклоняюсь от почти неизбежной аварии. Кайфую от захлестнувшего меня адреналина и почти пропускаю мимо ушей тихий испуганный вздох.

– Я не предупредил, что в этой машине надо пристегиваться?

– Нет, – хрипло шепчет Баринова и, прокашлявшись, интересуется уже более уверенно, когда мы тормозим в десяти сантиметрах от золотистого гелика с тремя пятерками на номерах. – А ты в курсе, что ты псих, Матвей?

– И тебе это нравится.

Заявляю уверенно и снова втискиваюсь в освободившийся справа зазор, наблюдая, как моя вынужденная попутчица заливается выдающим ее с головой румянцем. Сопит недовольно и достает небольшое круглое зеркальце, притворяясь, что поправляет легкий дневной макияж.

Попытка не засчитана, Саша.

Записав пару очков на свой счет, я доставляю свою драгоценную сводную сестру к стеклянному зданию огромного торгового центра минут на пятнадцать быстрее, чем ее бы домчал самый отчаянный таксист, и паркуюсь метрах в ста от входа. Провожу пальцами по растрепавшейся шевелюре и катаю во рту зубочистку, кожей чувствуя Сашкин внимательный взгляд.

– Кофе пойду попью, пока ты шопиться будешь. За час справишься?

– Можешь меня не ждать. Сама вернусь, – пытается включить норов похожая на фырчащего ежика Александра, но я обрываю ее мгновенно, держа в уме обещание отца лишить меня привычных средств на расходы, и заталкиваю поглубже мечту бросить Баринovu в этом царстве манекенов и груды тряпья.

– Справишься.

Припечатываю жестко, так, что сидящая рядом девушка начинает нервно ерзать в кресле, а я невольно обращаю внимание на ее длинные стройные ноги в дурацких скинни.

Проглотив одно оскорбление, пару предупреждений и странный неуместный комплимент, я вываливаюсь наружу и ищу повод, чтобы придраться к раздражающей каждый атом моего тела Саше. Жду, что она громко хлопнет дверью или будет клянчить еще пару часов, или пошлет меня с моими требованиями.

Но здесь меня ждет полный облом. Баринова ласточкой выпархивает из автомобиля, кротко кивает моей психованной персоне и ускоряет шаг, чтобы первой взбежать на эскалатор.

– Я позвоню, как закончу.

Небрежно бросает через плечо она и успевает затеряться в пестрой шумной толпе до того, как я пойму, что у нее нет моего номера телефона.

Не знаю, на что надеется моя наивная сводная сестра, но я не собираюсь мчаться за ней вдогонку. И трясти одноклассников, чтобы достали контакты поселившейся в моем доме провинциалки, тоже не планирую. Пробормотав пару нелицеприятных эпитетов в адрес Александры, я круто разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и направляюсь к кафешке, в которой частенько зависал и с Маринкой, и с Оксанкой, и с десятком девчонок, чьи имена давно пропали в закоулках моей избирательной памяти. Занимаю привычный столик в углу у окна и машу кудрявой официантке, поставив ее бедрам и талии твердую четверку по пятибалльной шкале.

– Капучино с корицей принеси, будь добра.

– Может быть, что-то еще на десерт? – заискивающе смотрит на меня одетая в форменную рубашку и брюки шатенка и замирает с блокнотом на весу, готовясь дополнить заказ.

– Тебя.

Хмыкаю, складывая руки на груди, пока девушка таращит на меня свои темно-зеленые глаза, а потом цепляюсь за знакомый силуэт, мелькнувший в бутике напротив.

– Я передумал. Ничего не надо.

Встаю из-за стола раньше, чем официантка возмутится или попытается убедить меня попробовать их фирменный клубничный чизкейк, и уверенным шагом пересекаю расстояние, отделяющее меня от заветной цели. Фиксирую, что фланирующая мимо вешалок Баринова выбирает совершенно отвратительный костюм цвета фуксии, и захожу в примерочные следом за ней, не встретив никого из обслуживающего персонала на своем пути.

Мысленно рисую вытягивающееся от удивления Сашино лицо, и, подчиняясь бунтующим внутри меня инстинктам, резко дергаю шторку кабинки, которую занимает Александра.

– Тебе стоит выкинуть эту тряпку в мусорное ведро, Саша.

Глава 4

Саша

Одураченный, Мот остается далеко позади, и я торопливо протискиваюсь между накаченным двухметровым качком и утомленной мамашей, что-то вычитывающей своему пятилетнему сыну. Огибаю витрину с ванночками с разноцветным мороженым внутри, облизываюсь, но все-таки прохожу мимо любимого лакомства, решив сэкономить драгоценное время.

С детским восторгом я рассматриваю разноцветные вывески больших и маленьких бутиков, изучаю висящие на безликих манекенах наряды и прикидываю, как на мне будет смотреться темно-вишневая кофточка с глубоким треугольным вырезом или свободный джемпер малинового цвета.

Открываю мобильный банк в телефоне и со священным трепетом пересчитываю количество светящихся на экране нулей. Не так просто в одночасье привыкнуть к тому, что тебе больше не нужно выбирать, что съесть на завтрак с хлебом: кусок докторской колбасы или пластинки российского сыра.

– Спасибо, Сергей Федорович.

Мысленно благодарю человека, которого через месяц смогу назвать отчимом, и всей душой верю, что мама будет счастлива с ним в браке. А еще втайне надеюсь, что Матвей смирится с присутствием в его жизни семейства Бариновых и сменит свой гнев на милость.

Витаю в своих радужных иллюзиях, стараясь не вспоминать, каким ядовито-насмешливым может быть Мот. Машинально поправляю упавшие на глаза длинные волосы и тут вижу ЕГО. Совершенно бомбезный пурпурный брючный комбинезон с короткими рукавами.

– Хочу, хочу, хочу!

Повторяет маленькая девочка внутри меня, и я подчиняюсь ее настойчивым просьбам и двигаюсь к вешалкам, как кусок металла – к магниту. Цепляю понравившийся мне наряд и на третьей космической мчусь к примерочным.

Едва не падаю с ног, стаскивая с себя узкие облегающие джинсы. Торопливо освобождаюсь от водолазки и пару минут любуюсь гладкой атласной тканью, незаметной молнией сбоку и аккуратным вырезом-лодочкой. Издаю возбужденный полуписк-полувизг и готовлюсь примерить чудо-комбез, когда белая шторка отъезжает в сторону с диким скрежетом и передо мной предстает уверенно-хамоватый Матвей.

– Тебе стоит выкинуть эту тряпку в мусорное ведро, Саша.

Ухмыляется уголками своих порочных чувственных губ он и скользит по мне наглыми карими омутами, заставляя стыдливо краснеть и неловко топтаться босыми ногами по маленькому черному коврику.

– А тебе стоит получить диплом модельера прежде, чем раздавать кому-то советы.

Фыркаю, стараясь замаскировать неловкость жалкой бравадой, только крупные мурашки, ползущие по коже, сводят все мои усилия на «нет». И я смущенно прикрываю руками грудь в кружевном черном бюстгальтере и упорно игнорирую разливающуюся по телу слабость-истому.

– Вот это надень.

Командует Матвей, протягивая мне абсолютно обычную синюю рубашку, которую я бы ни за что не выбрала из сотни таких же, и нетерпеливо отстукивает бойкий ритм носком кед.

– С чего ты взял, что я...

– Станешь слушаться меня?

Продолжает оборвавшуюся на середине фразу Мот и делает большой шаг вперед, вынуждая меня отступать и вжиматься голыми лопатками в стену. Дрожать от искрящегося между нами напряжения и судорожно сглатывать в глупом желании погасить разгорающийся в крови пожар.

– Станешь.

Безапелляционно чеканит он и упирает массивные ладони по обе стороны от моей головы, заключая меня в импровизированную клетку-ловушку, которая вместо понятного страха дарит странный ажиотаж.

И я сама тянусь навстречу человеку, который ни во что меня не ставит, запутываюсь пальцами в его шелковистых смоляных волосах и выгибаюсь, лишь бы получить свою дозу гормона радости. Подставляюсь под жгучие поцелуи, взрывающие фейерверк у меня в груди, и стараюсь не думать о том, что мы с Матвеем поступаем неправильно.

Где-то в висках звонко стучит молоток-наковальня, бешено колотится беспокойное сердце, а тщательно вдавливая в мою непутевую голову мораль валяется на полу рядом с улетевшими туда джинсами. И я позволяю своим ладоням скользить по каменной груди сводного брата, отодвигать край ткани и невесомо-нежно прикасаться к горячей коже, расписываясь в собственной пагубной зависимости.

Шатаюсь, как будто опустошила бутылку лучшего шампанского. Хватаюсь за стену, когда Матвей отстраняется, и не спешу прикрываться, больше не стесняюсь своей наготы. Жадно глотаю воздух, пытаюсь восстановить сбитое к черту дыхание, и собираюсь признаться, что там, в клубе, не знала, кем приходится Сергею Федоровичу Зимину Мот. Только вот застывший рядом парень не собирается вести со мной хоть сколько-нибудь конструктивный диалог.

– Это не должно больше повторяться, Саша.

Сухо цедит он сквозь зубы и вихрем выметается из кабинки, бросив через плечо равнодушное «жду тебя на парковке». Пугает проходящую мимо продавца-консультанта с многочисленными вешалками в руках и в считанные секунды исчезает из бутика, оставляя после себя десяток вопросов и тонну недоумения.

И я покупаю тот самый комбинезон назло ему, а еще беру три разных платья с провокационными разрезами-вырезами, и направляюсь в отдел нижнего белья, хоть отмеренный Матвеем час давно уже истек. Перемериваю дюжину комплектов и останавливаюсь на самом простом черном и более нарядном бордовом, вскоре выскальзывая на улицу с довольной улыбкой. Которая тут же сползает с моего лица при виде Мота, флиртующего с длинноногой рыжей девицей.

– Я закончила, милый.

Победно демонстрирую десяток разных пакетов и получаю такой убийственный взгляд, от которого в любой другой момент я бы съезжилась и трусливо ретировалась. Но сейчас во мне гуляет какой-то нездоровый азарт, подталкивающий к необдуманным поступкам, и я с энтузиазмом самоубийцы продолжаю дразнить звереющего Зими́на.

– Ну, что, поехали, дорогой?

Без посторонней помощи размещаюсь на переднем сидении его авто, предварительно закинув пакеты в салон, и в зеркало заднего вида наблюдаю, как торопливо сваливает уязвленная девушка. А потом Мот садится за руль, обдавая меня волнами неудержимого гнева, и резко бьет по газам, заставляя вжиматься в кресло.

– Еще раз так сделаешь, пойдешь по трассе пешком, поняла?

Не поворачиваясь ко мне, выплевывает он так, что у меня внутренности сводит, и нервный колючий ком подкатывает к горлу. Пальцы только с пятого раза вставляют ремень безопасности в паз, а веки зажимаются сами, когда автомобиль под управлением Матвея разгоняется почти до двухсот.

Запредельно. Дико. Страшно.

И все, потому что я его довела.

Глава 5

Саша

Мы летим по магистрали на сверхзвуковой, пока я ругаю себя за опрометчивую выходку. Закладывает уши, как на большой высоте, сердце норовит пробить грудную клетку и упасть прямо к ногам. И я малодушно молюсь, надеясь добраться домой целой и невредимой и не воткнуться в отбойник или какой-нибудь джип.

Каждый раз, когда обиженный рев клаксона несется нам вслед, я хочу одернуть Мота, но в последнюю секунду прикусываю язык. Вслушиваюсь в его шумное дыхание и понимаю, что он ловит запредельный кайф от этой сумасшедшей гонки. А я... а я сама испытываю неуместную, но такую головокружительную эйфорию, от которой мурашки маршируют вдоль позвонка.

– Скажи, Матвей, а тебе права в переходе в метро купили, а?

Интересуюсь у будущего сводного брата, когда мы за малым не цепляем борт маршрутного такси, и отворачиваюсь к окну, не в силах выдерживать прицельный огонь его наглых глаз.

– Подарили. Вместе с машиной на день рождения.

Хмыкает он и продолжает лихачить в присущей ему самоуверенной манере, как будто он на этой дороге и в этом городе царь и бог. Как будто его не парит гипотетическое наказание, и полицейский у служебного транспорта машет своим полосатым жезлом вовсе не ему.

За превратившийся в целую вечность час мое настроение меняется не меньше сотни раз. В одну секунду мне хочется придушить балансирующего на острие опасности Матвея, а в другую – признаться, что впечатление он производит неизгладимое. И мне приходится отвесить себе внушительный ментальный пинок, чтобы так откровенно не пялиться на его жилистые руки с выпуклыми венами.

– Станция конечная. Поезд дальше не идет.

С едким смешком сообщает мне Мот, и я выпутываюсь из принявших неправильное русло мыслей и неловко вываливаюсь из его авто. Лихорадочно подхватываю пакеты и устремляюсь вон из гаража, стараясь скрыть неровный румянец, стремительно окрашивающий щеки.

Только Матвей догоняет меня в два счета, окуная в мучительную неловкость, и даже распахивает передо мной дверь в дом, рисуя иллюзию идеальной семьи. По крайней мере, так мы с ним выглядим для встречающих нас Сергея Федоровича и мамы.

– Как провели время, молодежь?

– Прекрасно.

С показным энтузиазмом отвечаю сияющему благодушной улыбкой Зимину-старшему и протискиваюсь к лестнице, намереваясь избежать душащих меня расспросов. Перепрыгиваю через пару ступенек и заскакиваю в свою комнату, как будто за мной гонится стая голодных волков. Замираю посреди спальни, бросив пакеты на кровать, и вздрагиваю, спиной ощущая чужое присутствие.

– Помочь разобрать покупки, сестренка?

Матвей снова бесцеремонно вторгается в мое личное пространство. Заполняет собой легкие, давит гребанной аурой властности и упивается тем влиянием, которое на меня имеет.

– Сама справлюсь.

Отвечаю ему негромко и не могу сдвинуться с места, наблюдая, как он с грацией хищника выплывает у меня из-за спины и приближается к не заправленной постели. Вытаскивает из первого попавшегося пакета длинное красное платье тонкой вязки и ядовито цедит.

– Отстой.

И, в то время как я захлебываюсь охватившим меня возмущением и пытаюсь подобрать достаточно обидные и хлесткие слова, он натывается на понравившийся мне комплект кружевного белья и выразительно изгибает бровь.

– А это ничего так. Примеришь?

Ровно на пару мгновений я столбенею и поджимаю пальцы ног. Все мое существо заходит в волнительном предвкушении, пока разум вязнет в густом тумане. И пусть недолго, но

я вполне серьезно рассматриваю поступившее предложение, прикусив нижнюю губу. А потом все-таки стряхиваю опутавшее меня наваждение и пытаюсь забрать у Мота предмет своего гардероба.

– Совсем с ума сошел, Зимин?! Отдай!

Как атакующая слона моська, я бегаю вокруг будущего сводного брата, пытаюсь допрыгнуть до его поднятой вверх руки, в которой вместе со злосчастным бюстгальтером болтается узкая полоска трусиков. И я собираюсь в красках высказать Матвею все, что о нем думаю, приправив пламенную речь ворохом нецензурных эпитетов, когда в дверной прием протискивается мамина счастливая голова.

Меня бросает в холодный пот при мысли о том, как она отреагирует на творящееся в комнате безобразие, но Мот с ловкостью фокусника прячет мое нижнее белье за спиной и торопливо вешает на лицо ту самую улыбку, от которой девушки растекаются перед ним ванильной лужицей.

– Что вы здесь делаете, дети?

– Я заглянул спросить, вдруг Саше нужна помощь с перестановкой.

Вопиющая ложь без заминки слетает с порочных губ Зимины-младшего и зарабатывает ему еще несколько очков в глазах моей матери. По крайней мере, она понимающе кивает и исчезает в коридоре вполне удовлетворенная его объяснением. Я же мечтаю надеть Матвею на макушку ночной горшок, или вазу из-под цветов, или шутовской колпак.

– Расслабься, сестренка. Я прикололся. Но два билета до Урюпинска взять еще не поздно.

Всем своим видом Мот демонстрирует, что я здесь нежеланная гостья, ну а я в который раз хороню свои глупые планы по налаживанию с ним отношений. Прощаюсь с поблекшей радостью от покупок, раскладываю вещи в огромный до потолка шкаф и усаживаюсь за учебники. Только вот информация успешно минует мозг, не желая усваиваться, как бы я ни билась над превращающимися в невнятное пятно строками.

Так что ложусь спать я совершенно не готовая к завтрашним парам и долго ворочаюсь, вспоминая, как Матвей ворвался ко мне в примерочную. Как его крепкие руки скользили вдоль позвоночника, как я впивалась ногтями в его плечи, и как жадно мы с ним целовались, как будто между нами нет преград, вроде грядущей свадьбы наших родителей и его лютой необъяснимой неприязни.

А наутро мы снова изображаем лучащихся энтузиазмом будущих родственников, под пристальным взглядом Сергея Федоровича торопливо впахиваем в себя завтрак, норовящий застрять поперек горла, и пулей вылетаем в гараж. Потому что доза фальши зашкаливает и грозит обнажить наши настоящие эмоции.

Всю дорогу мы с Мотом проводим в крошечной тишине, и я наивно надеюсь, что сегодня обойдется без девятибалльного шторма, но Зимин резко тормозит за несколько кварталов до универа и разворачивается ко мне всем корпусом.

– Выходи.

Хлестким ударом обжигает щеки, губы, грудь, и я нелепо хлопаю ресницами, до конца не веря, что он это сказал.

– Но мы же не доехали.

– Проваливай, Саша. Я не хочу, чтобы нас видели вместе. Никто не должен знать, что ты моя сестра.

– Сводная сестра, Матвей.

– Плевать.

Он жжет меня яростным взглядом жестоких карих глаз, поливает пренебрежением и, наверное, ненавидит за то, что сам с жадностью целовал всего пару дней назад. А я... а я просто отчаянно хочу забыть все, что между нами было, ведь нам еще не один год учиться вместе и жить под одной крышей.

Трясущимися пальцами я нащупываю холодный металл ручки, открываю дверь и практически вываливаюсь на тротуар, цепляя рюкзак с сиденья. В коматозе одергиваю ярко-синюю юбку ниже колена, поправляю завернувшийся воротник тонкого белого джемпера и растерянно слежу за тем, как удаляется черное авто. Такое же хищное и агрессивное, как его хозяин.

Становится обидно. Досадно. Колко.

От того, что мне не все равно на пропитанные скепсисом фразы и на человека, их произнесшего.

Шмыгнув носом, я давлю жалость к себе в зародыше и устремляюсь к храму знаний, виднеющемуся в просвете между многоэтажек. Ускоряю шаг и протискиваюсь между спешащих курьеров с огромными зелеными и желтыми сумками-прямоугольниками. Игнорирую вырастающего будто из-под земли парня со смешным коротким хвостиком, что-то заливающего про какую-то акцию и пытающегося всучить мне гляцевый каталог.

– Да, мамуль. Ничего страшного, здесь в столовке перекушу.

Принимаю звонок, успокаивая заботливую маму, переживающую, что я забыла в холодильнике лоток с обедом, и придерживаю телефон ухом, роясь в рюкзаке. Выуживаю тонкий магнитный пропуск и прикладываю его турникету, упрямо продолжающему гореть красным.

– Извините! Извините, пожалуйста!

Еще минут пять я пытаюсь дозваться до погрязшего в ютубе охранника, столько же объясняю равнодушному бугаю суть проблемы и нетерпеливо топчусь на месте, понимая, что на пару я окончательно и безнадежно опаздываю.

– Тебя еще не успели внести в списки, проходи.

Связавшись с деканатом, безразлично кивает парень в черном камуфляже и возвращается к компьютеру, потеряв ко мне всякий интерес. А я бегу по уже пустынным коридорам, путаюсь в переходах и никак не могу найти аудиторию под номером триста семнадцать. В итоге, потеряв драгоценное время и отчаявшись, я обнаруживаю нужный кабинет и так и не решаюсь зайти.

– Мог бы и проводить в первый день.

Обиженно бормочу себе под нос и, больше никуда не спеша, бреду к подоконнику, обвиняя Матвея во всех неурядицах. В росте курса евро, подорожании потребительской корзины и очередных санкциях Запада.

Прислонившись лбом к стеклу, я рассеянно листаю страничку студенческого паблика, на которую недавно подписалась. Натякаюсь на фотки с позавчерашней вечеринки и с бухающим в горле сердцем нажимаю «сохранить», выбирая из пестрых картинок снимки Мота.

С широкой открытой улыбкой. С растрепанными мной волосами. Веселого и счастливого. Совсем не такого, с каким я столкнулась у ворот дома Зиминых.

А потом за моей спиной с громким хлопком ударяется о стену дверь, и из аудитории наружу высыпает толпа галдящих первокурсников. Высокая худая брюнетка что-то возмущенно высказывает своей полной подруге в невообразимом цветастом сарафане. Пятеро парней склоняются над чьим-то мобильником и с едкими комментариями смотрят какое-то вирусное видео.

Я же набираю воздуха в легкие и неуверенно делаю шаг вперед, намереваясь попросить у кого-то из них лекцию. Только смазливый блондин в свободно болтающейся на нем фиолетовой рубашке и низко сидящих джинсах меня опережает, загораживая путь и самодовольно ухмыляясь.

– Ты потерялась, крошка? Дорогу подсказать?

Манерно растягивая слова, флиртует со мной он, и я не сразу нахожусь, что ответить. Жую во рту вязкую кашу из невнятных слогов и нервно тереблю лямку рюкзака, когда в барабанные перепонки ввинчивается резкое.

– Оставь ее, Крест!

Глава 6

Мот

И зачем я вообще сюда сегодня приперся.

Хмуро кошусь на сухую, как вобла, преподавательницу по экономической теории и считаю до десяти. Еще чуть-чуть и своим заунывным голосом она поднимет зомби с ближайшего кладбища или разбудит сладко сопящего Крестовского, которому я искренне завидую.

Зависать с пацанами на даче всю ночь без родаков и назойливых сводных сестер дорогого стоит.

Пару минут я смотрю на безмятежное лицо друга, а потом толкаю его локтем в бок, когда цепкий взгляд Семеновой Инги Аркадьевны мажет по галерке и приклеивается к белобрысому затылку.

– Вставай, бро.

Шиплю выразительным шепотом и, получив красноречивый оскал от все той же Инги Аркадьевны, затыкаюсь.

– Ваша фамилия, молодой человек?

– Крестовский.

– Игнат Дмитриевич. Прекрасно. Я вас запомнила.

Многообещающе чеканит преподша и, поправив сползшие на нос очки в круглой оправе, возвращается к теме лекции, которую я так и не записал.

– Мог бы и раньше предупредить, – обиженно фырчит Крест и, не дожидаясь ответа, меняет пластинку, случайно наступая на больную мозоль. – И вообще, где тебя вчера целый день носило?

– Семейные... кхм... обстоятельства.

Глухо закашливаюсь, давась словами, а перед глазами на репите Сашка в примерочной. Белье ее кружевное дурацкое, талия узкая, ноги длинные. И пальцы, скользящие по мышцам пресса.

Твою ж...

– Бабу новую нашел – так и скажи, – притворно дуется Игнат и загораживает ладонью листок, с которого я пытаюсь списать название лекции.

– Ничего серьезного. Так, на один раз.

Выдаю с показным равнодушием и упорно умалчиваю о том, что эта «на один раз» теперь живет через стену от меня и скоро станет моей сводной сестрой. Если мне не удастся избавиться от них с матерью, конечно.

Судя по съезжающим к переносице светлым бровям Крестовского и изгибающимся в кривой ухмылке губам, он мне явно не верит, но продолжать допрос не спешит. Игнат забивает на распинаящуюся у доски Семенову, справедливо решив, что прилежание его уже не спасет, и снова укладывается на стопку тетрадей, пробурчав едва внятное «не кантовать». Я же с горем пополам досиживаю до конца пары и лениво поднимаюсь со скамьи, когда Инга Аркадьевна нас отпускает.

Не слушаю, что она говорит нам напоследок, не записываю, что нужно прочитать к следующему занятию, и неторопливо скатываюсь вниз по лестнице, гоняя в мозгу прочно засевшее «сводная сестра, Матвей!».

Срочно надо переключиться. Благо, что подходящая кандидатура как раз останавливается недалеко от входа в аудиторию и так призывно мне улыбается, что обойти ее своим вниманием просто преступление.

– Привет, Настя, – оставляю небрежный поцелуй на щеке у первой красотки потока и еще раз инспектирую идеальную фигуру Шаровой, мимоходом скользя по аппетитным буферам и крутым бедрам.

Хорошая девчонка, сочная.

– Привет, Мот. А мы без тебя вчера скуча-а-али, – деланно тянет девчонка и, театральным жестом откинув густые темно-каштановые волосы назад, прижимается ко мне, вычерчивая на ткани футболки какие-то замысловатые узоры своими длинными ноготками.

И я уже собираюсь опустить причину своего вчерашнего отсутствия и пригласить Настюху на чашечку горячего чая, когда в центре коридора вижу Баринovu и рисующегося перед ней Игната. Отчего кровь ударяет в голову и заставляет отцепить от себя чужие прохладные пальцы и выкрикнуть повелительно-жесткое.

– Оставь ее, Крест!

Не разбираю на составляющие гуляющий внутри коктейль из гремучих эмоций и быстро сокращаю расстояние до причины моего бешенства. Несколько раз глубоко вдыхаю, так же медленно выдыхаю и вешаю на себя маску напускного равнодушия.

Фиксирую, как Сашка нервно мнет край своей белой кофты, отчетливо вижу плещущуюся в ее синих глазищах растерянность и закидываю локоть Крестовскому на плечо. Чтобы наклониться к приятелю и негромко ему сообщить.

– Девочка недавно переехала в Москву и очень хочет влиться в нашу закрытую компанию.

Сказанные проникновенным шепотом слова действуют на Игната, как ледяной душ. По крайней мере, лучившийся в глазах приятеля густой интерес сменяется растущим подозрением, и мускулы под моей ладонью напрягаются.

– Это ты с ней на посвяте зажигал, что ли?

– Ага.

Хмыкаю двусмысленно и, выдержав непродолжительную нехорошую паузу, ставлю клеймо «не советую». От которого Крест иронично дергает бровью, за спиной ядовито смеется Шарова, а Саша обиженно поджимает губы и еще сильнее терзает тонкую ткань.

– Понял, принял, осознал.

Сделав свои выводы, охладевает к новенькой товарищ и тащит меня в столовую к дальнему столику, за которым расположились наши пацаны. Ленька, племянник прославившегося скандальной историей с журналисткой депутата. Илья, сын мебельного магната и подающий надежды спортсмен. И не обладающий ни какими-то особыми связями, ни богатыми родственниками Вадик, бегающий нам за колой и хот-догами.

– Спасибо, что предупредил, бро.

Разваливается на стуле Крест, широко расставив ноги, и цепляет с тарелки дольку хрустящей картошки фри, обмакивая ее в сырный соус. Я же, не испытывая и намека на угрызения совести, благодушно киваю и забираю у Вадима стаканчик с еще дымящимся кофе.

– Обращайся.

Закрыв раздражавший меня гештальт, я расслабляюсь и лениво цежу отдающий корицей и ванилью напиток. Вполуха слушаю, как Ленька возмущается раздутой в инете шумихой вокруг его дяди, и так же вальяжно наблюдаю, как грациозно подплывает к нам красивая Настя и устраивается рядом со мной, фамильярно укладывая голову мне на плечо.

– У меня в субботу туса, ты приглашен, Мот.

Кокетливо шепчет Шарова, хлопая длинными пушистыми ресницами. Закидывает ногу на ногу, демонстрируя бежевые сапожки на тонкой шпильке, и томно вздыхает, предпринимая еще одну попытку привлечь к себе внимание.

– Ты обещал меня покатать, помнишь?

– Не сегодня.

Бросаю не слишком дружелюбно и внезапно понимаю, что в их компании мне жутко скучно. До сводящего скулы зевка и до критичного безразличия скучно. Поэтому я не очень-то вежливо стряхиваю с себя прилипчивую Анастасию и с протяжным скрежетом отодвигаю стул, поднимаясь на ноги.

– Погнал я. Отцу обещал в одно место заскочить.

Выхожу в коридор раньше, чем кто-то из ребят успеет что-то сообразить и озадачить меня каким-то глупым вопросом. Стремительно вываливаюсь на улицу, запрыгиваю в авто и мчу по трассе, врубив колонки на всю. Лишь бы не прокручивать в башке одни и те же дурацкие мысли.

А дома, в залитой светом гостиной меня ждет офигенный сюрприз. Счастливая семья из Зимина Сергея Федоровича и двух Бариновых с щенячьим восторгом рассматривает обручальные кольца, которые наверняка стоят целое состояние. И от этой идиллической картины меня едва не выворачивает на пушистый ковер молочного цвета.

«Интересно, а твоя Вера Викторовна знает, что не так давно ты дарил такие же дорогие украшения моей матери?».

Рвется с моего языка, но так и застревает где-то в горле. Нет смысла начинать разговор, который вряд ли что-то изменит.

Глава 7

Саша

В особняк Зиминых после пар я вваливаюсь взвинченная, с настроением ниже плинтуса и торопливо избавляюсь от обуви, небрежно сбросив ее в угол. Сжимаю и разжимаю кулаки и отчаянно хочу найти в этом двухэтажном дворце маму, прижаться щекой к ее боку и попросить взять два билета на поезд до нашего маленького тихого городка.

Чтобы вернуться в крохотную, но такую уютную квартирку на окраине, где мы беседовали вечерами напролет под кружку горячего имбирного чая с лимоном. Делились скромными победами и обидными поражениями, мечтали об отпуске на лазурном побережье, бронзовом идеальном загаре и «во-о-он том офигенном красном платье».

Теперь с мамой мы общаемся гораздо реже, потому что практически все ее время посвящено харизматичному Сергею Федоровичу и подготовке к грядущему торжеству. И это немного печалит.

– О, Саша дома. Матвей не с тобой?

Моментально реагирует на мое появление Зимин-старший и улыбается так лучезарно и открыто, что мне становится стыдно за крамольные мысли о побеге из столицы. Этот импозантный влиятельный мужчина души в маме не чает, заботится о ней, да и мне ни в чем не отказывает. А уж соседство со сводным братом можно как-нибудь пережить.

– Нет, его задержали в универе.

Отделяюсь стандартной отговоркой и незаметно передергиваю плечами, вспоминая издевательскую ухмылку Мота, обжегшее, словно пощечина, «не советую», и вылившееся на меня всеобщее презрение. Парни принялись экспрессивно тыкать в мою ставшую в раз знаменитой персону пальцем, девчонки горячо шептались, сбившись в тесный кружок, а робкая попытка Ирки Зайцевой меня защитить просто утонула в этом невообразимом гвалте.

Чудесный первый день, ничего не скажешь.

А дальше все промчалось, словно в плотном белесом тумане. Пропущенная мимо ушей лекция, корявые линии на полях и абсолютный ноль на шкале полученных знаний. Пристальные любопытные взгляды, норовящие пробраться под кожу, язвительные смешки и нетерпеливый шепот все той же Ирки: «За что он так на тебя взелся?».

– Саш, чего ты застыла в проходе? Топай к нам. Посмотришь, что мы купили.

Снова зовет меня довольный Зимин-старший, и я послушно шагаю к большому дивану терракотового цвета и опускаюсь на освобождающееся между родителями место. С замирающим сердцем веду подушечками пальцев по сапфирово-синему бархатному прямоугольнику у Сергея Федоровича на ладони и не дышу, когда заветная коробочка открывается.

А потом погружаюсь в чистое искрящееся счастье, окутывающее меня с головы до ног. Не могу оторвать глаз от двух полосок белого металла и одобряю идеальные в своей простоте кольца без драгоценных камней с выгравированным на внутренней стороне обещанием «навсегда».

И это все до такой степени трогательно и волнительно, что я с трудом сдерживаю слезы радости и откашливаюсь, чтобы еще раз поздравить сидящих рядом со мной людей. Только не успеваю, потому что по телу пробегает лихорадочная дрожь, а внутренности съеживаются в один нервный ком.

Значит, вернулся Зимин-младший.

– Все в сборе, как хорошо. Ты, наверное, проголодался, Матвей?

Первой вскакивает всегда радушная и вечно переживающая, что на столе мало еды, мама. За ней поднимается Сергей Федорович и устремляется на кухню, нахваливая еще горячую уху, стоящую на плите. А я сижу, как дура приклеившись к дивану, и скольжу по Моту внимательным взглядом.

Всклопоченный, с глазами бешеными. Злой. Неужели никто не видит?

– Спасибо, что унизил.

Впитав его недовольство, я падаю в кипящий котел своих собственных обид, с энтузиазмом мазохиста прокручивая случай в коридоре. Замираю ровно на секунду, надеясь пусть на скупое, но извинение, и тут же прощаюсь с крошащейся на осколки иллюзией.

– Всегда к твоим услугам, сестренка.

Фривольное обращение, слетающее с его губ, задевает во мне какие-то струны, натягивая их до предела. Окрашивает вселенную в ядовитый ярко-алый цвет и поднимает самое темное со дна души. И мне до умопомрачения хочется вздернуть вверх руку и продемонстрировать Матвею оттопыренный средний палец. Но хорошие девочки так не делают, правда?

Хорошие девочки устало прикрывают веки и считают до десяти, упражняясь в дыхательной гимнастике. Хорошие девочки проглатывают рвущиеся наружу неприличные слова, смахивают невидимые пылинки с новой красивой юбки и идут накрывать на стол. Не обращая внимания на табун мурашек, марширующих от макушки до поясицы и обратно.

– В общем, с ЗАГСом я договорился, в ресторане мы все заказали, свадьба будет на две недели раньше, чем планировали.

С ребяческой улыбкой сообщает Зимин-старший, хвастаясь сегодняшним триумфом, и осторожно дует на финскую уху со сливками и форелью. Невесомо целует маму в щеку и первым принимается за еду, пока мы с Мотом перевариваем эту поистине ошеломительную новость.

– Здорово.

– Поздравляю.

Без особого энтузиазма выпаливаем мы с Матвеем одновременно и синхронно утыкаемся в глубокие черные тарелки, вяло орудуя ложками. Кое-как впихиваем в себя блюдо, вкуса которого не чувствуем, и одновременно встаем из-за стола, направляясь к посудомоечной машине. Чтобы там столкнуться нос к носу и смотреть друг другу в глаза не меньше минуты.

«Ты пожалеешь».

Читаю в остром, словно сотня иголок, взгляде Зимина и швыряю в ответ беззвучное «да пошел ты». Торопливо вытаскиваю из микроволновки стеклянную форму с мясной запекан-

кой, звонко бахаю ей о столешницу и понимаю, что не смогу больше проглотить ни кусочка в присутствии сводного брата.

– Я что-то наелась. Спасибо большое, мамуль. Пойду к себе, мне столько всего по учебе надо сделать, чтобы ребят нагнать.

Подсовываю родителям версию, не слишком далекую от правды, и быстро смываюсь из кухни, надеясь, что Мот не станет ломиться ко мне в комнату, как в прошлый раз. Со скоростью спринтера снимаю с себя одежду и все время кошусь на дверь, неуклюже путаясь в широких домашних штанах лавандового цвета. Ныряю в любимый старенький свитшот и только тогда глубоко судорожно выдыхаю, испытав невероятное облегчение.

А потом перетаскиваю ноутбук вместе с тетрадками на кровать и честно пытаюсь восполнить имеющиеся пробелы в знаниях. Только строки снова сливаются в неразборчивое пятно, буквы пляшут сумасшедшую джигу-дрыгу, а смысл написанного ускользает от воспаленного сознания. Поэтому на разрезающий тишину звонок Ирки я отвлекаюсь с удовольствием, разминая каменную шею и плечи.

– Привет, подруга.

– Привет.

– Я тебя предупредить хотела... – запинаясь Зайцева и, то ли подобрав подходящие слова, то ли что-то там сверив, продолжает. – Шаровой скинули ваши фотки с посвята.

– Какие фотки?

– Не тупи, Сашка! Там, где вы с Мотом на танцполе... кхм... зажигаете. В общем, будь готова к подставе. Настя там рвет и мечет.

Это она еще не знает, что мы целовались.

– Спасибо, Ириш.

Отстраненно благодарю подругу и отключаюсь, не найдя в себе сил продолжать разговор. Прощаясь с планами наверстать отставание и резким движением захлопываю ноутбук. Убираю его на тумбу, сгружаю сверху тетради и заваливаюсь на спину, широко раскинув руки и пытаюсь найти на потолке рецепт, как выжить в новом городе, в новом универе и новом доме и не сломаться.

Не придумываю ни одного хоть сколько-нибудь годного варианта и незаметно для себя самой проваливаюсь в объятия Морфея, чтобы спустя то ли пятнадцать минут, то ли несколько часов проснуться от того, что чужие пальцы скользят по моим распущенным волосам.

Бережно. Трепетно. Нежно.

Глава 8

Саша

Не спешу открывать глаза, продлевая волшебное мгновение. Сворачиваюсь в маленький клубок, устраивая макушку на мягких коленях, и урчу, словно котенок, подставляясь под ласку. Вбираю в себя чужую заботу и млею от того, как тепло расплзается по телу, согревая озябшие клеточки.

– Сашка, дочь. Я так тебя люблю, – наклоняется ко мне мама и целует в лоб. Прямо как в детстве, когда рассказывала на ночь сказку про «Золушку» или «Спящую красавицу».

И я тону в этих щемящих ощущениях, укутываюсь в ностальгию и жмусь щекой к маминым ладоням с длинными линиями жизни на внутренней стороне. Застываю неподвижным изваянием и загадываю желание, чтобы наша доверительная близость длилась вечно.

– Я совсем не уделяю тебе внимания. Прости, милая.

Шумно вздыхает мама и снова принимается перебирать мои рассыпавшиеся в беспорядке пряди, отчего на душе становится спокойно и так легко. И кажется, что любые трудно-

сти мне по плечу, а весь этот мир лежит прямо у моих ног и только и ждет, пока я начну его завоевывать.

Классное чувство!

– Все в порядке, ма. Я все понимаю.

В этот самый момент я совсем не лукавлю. Я на самом деле понимаю двигающие моим самым родным человеком мотивы, целиком и полностью одобряю ее привязанность к Сергею Федоровичу и совсем не виню ее за то, что она растворяется в нем почти без остатка.

Настоящая любовь, без примесей выгодного симбиоза и холодного расчета, сейчас большая редкость...

– Наш переезд... и свадьба эта... все так поспешно, – неуверенно осекается мама, совсем по-девчачьи прикусывая нижнюю губу, и мне до дрожи на кончиках пальцев хочется заключить ее в свои объятия. – Сашенька, если тебе неуютно здесь. Если ты не готова принять наш брак, мы с Сергеем все отменим. Перенесем, в конце концов, на столько, сколько тебе понадобится, чтобы ко всему привыкнуть.

От произнесенных полупшепотом фраз крохотный ком в горле стремительно разрастается в размерах и мешает нормально дышать. Слезы выступают на ресницах, а чувство благодарности вытесняет и мгновенно поблекшие обиды, и выцветшее недопонимание.

– Не нужно ничего отменять, мама. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И я даже готова назвать Сергея Федоровича «папой». Наверное. Когда-нибудь.

Улыбаюсь широко и стараюсь вложить в эти слова всю свою искренность, чтобы мама ни в чем не сомневалась. Чтобы выбрала себе в каталоге самое замечательное элегантное платье или стильный брючный костюм, подчеркивающий достоинства ее изящной фигуры. Чтобы сделала прическу у лучшего стилиста, нанесла едва заметный естественный макияж и светилась ярче тысячи лампочек, освещая все вокруг.

И не допускала даже мысли, что дочь за нее не рада.

– Такая ты у меня взрослая стала, Саша.

Растрогавшись, всхлипывает мама и утыкается острым треугольным подбородком мне прямо в макушку. Водит ладонями по спине и бормочет что-то про то, что я самое дорогое, что у нее есть. А потом мы засыпаем, крепко обнявшись. Запутываемся в простынях. И видим разноцветные радужные сны, с которыми под утро жаль расставаться.

– Вставай, соня. Опоздаешь.

Сладко потягивается в моей постели мама, пока я с титаническими усилиями разлепляю веки и душераздирающе зеваю. Ухмыляется уголком губ и совершенно не по-родственному спихивает меня с кровати прямо на пушистый ковер с абстрактным узором.

– Эй, это не честно!

Звонко пишу я снизу и получаю бескомпромиссное «это мне никуда не надо, а у тебя первая пара». Поэтому, проглотив охватившее меня недовольство, я неуклюже поднимаюсь, медленно стряхиваю с себя остатки липкой приятной дремоты и, прихватив огромное розовое полотенце, шлепаю в конец коридора.

Глянув на экран мобильного в левой руке, я торопливо ступаю по теплему ламинату, взъерошиваю волосы, стараясь не заикливаться на неприятностях, с которыми мне обязательно предстоит столкнуться в универе, и на всех парах влетаю в не слишком вместительную ванную комнату. Не сразу соображая, что душ занят.

Пару секунд я ошалело смотрю на капельки на запотевшем стекле, лихорадочно сглатываю и собираюсь тихо испариться, как будто моей ноги здесь не было. Только не успеваю ретироваться прежде, чем откроется злополучная пластиковая дверь, которую мне хочется проклянуть.

– Упс.

Сиплю сдавленно и не могу даже пошевелиться в то время, как Зимин-младший вальяжно переступает через невысокий бортик и останавливается напротив меня, изображая статую Аполлона Бельведерского. По крайней мере, одежды на Моте не больше.

И я, словно его оголтелая фанатка, прикипаю жадным взглядом к рельефным плечам. Как в первый раз, рассматриваю перекатывающиеся под кожей мышцы. Мысленно стираю лишнюю влагу с сильных жилистых рук и так же мысленно очерчиваю кубики офигенного пресса. А потом опускаю глаза ниже и слишком уж поспешно кидаю в сводного брата полотенцем, пряча в ладонях лицо.

– Прикройся!

Рублю опустившуюся на нас вязкую тишину своим придушенным криком, а пальцы сами разъезжаются и образуют просвет, отчего краска приливает к щекам, превращая меня в переспелый помидор.

Ты – жалкая лгунья, Александра Барина.

– Дверь закрывать не пробовал?

Прокашлявшись и дождавшись, пока Матвей обмотается розовой тряпкой, нападаю на него и запоздало осознаю, что сама частенько забываю запереться. Много лет прожив у мамы под боком, я никогда не отгораживалась от нее замками.

– Я не собираюсь менять собственные привычки из-за тебя или твоей матери, Саша. И, чем раньше вы это поймете и свалите отсюда, тем будет лучше.

Снова гнет выбранную линию поведения Мот, не собираясь снижать градус ненависти, и шагает босыми ступнями по теплему кафелю. Нависает надо мной, заполняя легкие запахом мужского геля для душа, и топит в чернильно-черном море. Потому что его зрачок стремительно сливается с радугой.

– Это – мой дом. И я буду делать здесь все, что мне заблагорассудится. Захочу голым ходить – буду голым ходить. Захочу вломиться к тебе в комнату – вломлюсь. Захочу вещи твои из окна выкинуть – выкину. Уяснила?

Его низкий с хрипотцой голос опасно вибрирует, пальцы сжимаются в кулаки, и мне бы робко потупиться и отступить без боя. Но что-то снова щелкает в моем затуманенном мозгу, и я подаюсь вперед, едва не уткнувшись Матвеем в грудь.

– По-моему, это тебе пора уяснить то, что свадьба состоится через две недели, независимо от твоих желаний.

Выстреливаю пулеметной очередью и вздергиваю подбородок, отсчитывая секунды до необратимости. Интересно, что напишет судмедэксперт? Она умерла от множественных ран, нанесенных тупым предметом? Или острым? Или причина смерти в асфиксии, потому что Баринovu Александру Кирилловну сейчас придушат? Или утопят?

Но Зимин-младший не делает ни первое, ни второе, ни третье. Он выпрямляется, самодовольно изгибает смоляную бровь и четко выверенным движением подцепляет узел на полотенце, отчего ткань разматывается и, облизав его ноги, падает на пол. Я же очень стараюсь не опускать взгляд ниже его носа.

– Посмотрим, Саша.

Бросает спокойно и расслабленно Мот и максимально неторопливо огибает меня, задев плечом. Вынуждая дернуться от разряда электрического тока, прошившего мое тело от макушки до пяток, и нервно прикусить губу, чтобы не разразиться истеричным воплем и не разбудить спящую в моей комнате маму.

И, закрыв чертову дверь на ключ, я заскакиваю в душевую кабину и встаю под мощную струю ледяной воды. Ожесточенно тру кожу мочалкой, пытаюсь избавиться от невидимых следов, оставшихся после прикосновения Зимина. Слишком долго смываю с себя хлопья пены и до последнего не хочу покидать мое временное убежище. Только настойчивый стук в дверь намекает, что прогулять пары мне никто сегодня не даст.

– Сашенька, дочка! Что ты так долго? Матвей уже заждался тебя в гараже.

Перекрикивает шум стучащих о пластик капель мама, добивается обещания поторопиться и, конечно же, не видит, как испуганно я вцепляюсь в предплечья и прислоняюсь лбом к стене душевой, готовясь к очередному раунду измотавшего меня противостояния.

Глава 9

Мом

Делаю глубокий вдох, а перед глазами до сих пор разноцветные круги пляшут. Пальцы на автомате перебирают звенья брелока, а в мозгу вертятся варианты, как расстроить свадьбу отца и Бариновой.

Сжечь паспорта. Взорвать ЗАГС. Связать Сашку, заклеить ей скотчем рот, запихнуть в чемодан и отправить куда-нибудь на Камчатку, как особо ценный груз.

От ярких образов, нарисованных воображением, настроение с отметки «отвратительно» переползает на отметку просто «фигово», а губы сами искривляются в ухмылке сади-ста-маньяка. И я выуживаю из кармана джинсов мобильник, кликаю по красно-белой иконке и на полном серьезе просматриваю поезда дальнего направления.

Москва-Владивосток. Отличный ведь рейс.

Зависаю, едва не нажав «забронировать», и резко оборачиваюсь, услышав неуклюжий шорох за спиной, чтобы уткнуться равнодушным взглядом в Веру Викторовну. Чуть ниже Александры, все еще стройная, с такими же тонкими запястьями и острым подбородком, эта женщина определенно способна заинтересовать представителей мужского пола. Только вот меня бесит, что она пытается занять место возле моего отца.

Не принадлежащее ей место.

– Матвей, возьми. У вас пары сегодня допоздна.

Протягивает пластиковый лоток с кружевными ажурными блинчиками она, а меня, как щепку, швыряет в водоворот из причиняющих боль воспоминаний. Несколько лет назад мама вот так же собирала для меня в школу отбивные и сэндвичи, пекла шедевральные торты и отказывалась нанимать повара.

Твою ж...

– Спасибо.

Проглотив пару ложек несуществующего битого стекла, я выталкиваю онемевшим языком и принимаю из заботливых рук запотевшую посудину, пристроив ее на заднем сидении. А потом запыхавшаяся Сашка влетает в гараж и избавляет меня от необходимости продолжать беседу, в которой нам всем неуютно.

И уже через пять минут я оставляю и двухэтажный дом, и улыбчивую Веру Викторовну в теплом домашнем костюме далеко позади и до упора топлю педаль газа, пытаюсь отвлечься и найти в скорости привычное успокоение.

Правда, Барина-младшая совсем не облегчает мне задачу, запутываясь тонкими пальцами в еще влажных после душа волосах и прожигая мой висок своими огромными синими глазами.

– Я не знаю, что случилось между твоими родителями, Матвей, – берет небольшую паузу Саша, чувствуя, что ступила на тонкий лед моего терпения, обнимает себя за плечи и негромко произносит: – но моя мама любит Сергея Федоровича, и она заслуживает, чтобы ты дал ей шанс.

Дышит неровно, скользит ладонями по белому удлиненному пиджаку и ждет, что я ей на это отвечу. Но я упрямо молчу, укладывая стрелку спидометра до талого, и врубаю радио, где взорвавшие чарты группа поет что-то про юность и соседей.

Лимит моего красноречия исчерпан, Саша.

– Выходи.

Торможу у перекрестка икс, где обычно высаживаю Баринову, и наклоняюсь к ней, чтобы распахнуть дверь и быстрее избавиться от общества будущей сводной сестры.

Аромат цитруса и перечной мяты бьет в нос, раздражает обоняние, и меня тоже раздражает. Потому что девчонке очень идет этот свежий не приторный запах, выделяющий ее из толпы любительниц ванили и кокоса. И макияж дымчатый, превративший ее глазищи в два бездонных омута, тоже идет. И коса густая, которую она успела заплести, пока я по трассе гнал... идет.

И я не знаю, чего мне сейчас хочется: стянуть эту чертову заколку с блестящих прядей или намотать ее густые тяжелые волосы на кулак.

– Быстрее, Саша.

Цежу сквозь зубы, подгоняя девчонку, и с облегчением выдыхаю, когда она вываливается на асфальт. И еще какое-то время смотрю ей в спину, пока она не смешивается с серой невнятной массой спешащих куда-то прохожих. После чего замечаю забытый на пассажирском сидении рюкзак и, без угрызений совести, подцепляю его молнию.

Косметичка, конспекты, пособие, дневник...

Придется как-то выкручиваться перед гримзой-Семеновой, Александра, потому что я на пары сегодня не собираюсь.

«Подрифтим?».

Посылаю Крестовскому одно слово и самодовольно скалюсь, подруливая к черным кованым воротам, рядом с которыми уже нетерпеливо мнетя друг и поправляет ультракороткую юбку ядреного синего цвета длинноногая Шарова.

– Запрыгивайте!

– Хэллоу, бро.

– Привет, Мот.

Ребята здороваются со мной одновременно, резво трамбуясь в тачку, а я зависаю и туплю пару минут, заметив в зеркале заднего вида Сашку. Исподтишка кошусь на экран телефона, где светится ее имя, и стартую с места с оглушительным ревом, заставляющим Настю вздрогнуть, а Игната радостно ухмыльнуться.

«Матвей, ты где? Я рюкзак у тебя в машине забыла».

Прилетающее вслед за звонком сообщение я так же игнорирую и везу одноклассников на подземную парковку торгового центра, обычно безлюдную в разгар рабочего дня. Чтобы там яростно палить резину, едва не чесать боковой бетонные столбы и снимать пользующиеся у моих подписчиков популярностью видосы.

– Да не ори ты так, Настя!

Бросаю через плечо, проскочив очередной крутой вираж, и нехотая вспоминаю, что Баринова никогда не кричит у меня в авто. Даже когда я гоняю по встрече и норовлю впилиться в отбойник. Фак.

От неуместных сравнений и толпящихся в башке ассоциаций азарт тухнет так же стремительно, как залитый галлоном воды костер. Желание дрифтить молниеносно исчезает, и я уже без особого энтузиазма заканчиваю круг, паркуя тачку недалеко от въезда на подземку.

– Го перекусим.

Глушу двигатель и первым покидаю салон, прекрасно зная, что спутники пойдут за мной, как привязанные, и будут терпеть любые закидоны и необъяснимые перепады настроения. Крест – из банальной мужской солидарности, Шарова – из стремления оказаться в моей койке.

– Так что насчет вечеринки, Мот? Тебя ждать?

Томно опускает ресницы Настя, пока мы поднимаемся вверх на эскалаторе, и выгибается так эротично, что мужик, скатывающийся по лестнице напротив нас, едва не заливает слюнями кафель. Только вот на меня эти уловки оказывают не больше эффекта, чем дробина – на слона.

– Посмотрим. Не обещаю.

Разочаровываю складывающую губы бантиком девчонку и звонко шлепаю ее по заднице, заслужив одобрителный свист Крестовского. Игнат ржет, Шарова кокетливо улыбается, я с трудом давлзю скучающий зевок.

Предсказуемо.

Глава 10

Саша

До начала пары пять минут, а я прислоняюсь к стене, подпирая ее плечом, и не решаюсь войти в аудиторию. В руке наполовину разряженный телефон, рюкзак с тетрадками колесит где-то с Мотом, а в мозгах такая пустота, что лучше свалить по-тихому и не отвечать.

Мешает природная ответственность.

– Баринова, долго проход загораживать будете?

Не замечаю, как у двери материализуется затянутая в наглухо застегнутый мышинный серый пиджак Инга Аркадьевна, и непроизвольно ежусь. Опускаю голову и понуро бреду вслед за преподавательницей, предвкушая веселый семинар.

Нервно перешагиваю порог и приклеиваюсь к месту, из-под ресниц разглядывая полупустую аудиторию. Галерка пустует. Нет ни уверенного в своей безнаказанности небожителя-Матвея, ни его наглого друга Игната, ни болтающейся за ними хвостом Насти, к которой я испытываю заочную глубокую неприязнь.

Где их носит? Зависают в столовой, забив на занятие? Ошиваются во дворике, наслаждаясь внезапно выдавшимся теплым днем? Или тусят в кофейне напротив, не парясь по поводу энки в журнале и упущенных баллов?

– Сдаем работы.

Поправив свои ужасные очки, поднимается из-за стола Семенов и останавливается рядом со мной, заставляя внутренности холодеть и потеть ладони. И я кладу телефон на парту экраном вниз и готовлюсь к прилюдной порке, ощущая прилипающее к коже глухое недовольство.

– Александра?

Мое имя, вылетающее из уст преподавателя, бронепоездом врзается в солнечное сплетение и отскакивает от стен. По крайней мере, так мне кажется.

– Извините...

Бормочу едва уловимо и сцепляю пальцы в тесный замок, чтобы через пару мгновений услышать пропитанное ядом обещание, что зачет по предмету Инги Аркадьевны мне будет весьма и весьма сложно получить.

А потом отрешаюсь от происходящего, выпадаю в глубокую прострацию в то время, как долговязый худой староста ходит по рядам, собирая у прилежных одгруппников кппы листов. Рассеянно слежу за растущей стопкой и думаю, что подход к учебе нужно срочно менять. Иначе я рискую вылететь из престижного заведения, как пробка, не пережив и первой сессии.

– Давай в кино сходим. Мороженое возьмем или ведро поп-корна.

Пытается подбодрить меня неунывающая Иришка, когда пытка заканчивается, и мы с ней выползаем в полный гомонящих студентов коридор. Только апатия захлестывает меня удушливой волной и мешает расслабиться и притвориться, что проблем не существует.

– Давай в другой раз.

Прощаюсь с подругой, чмокнув ее в щеку, и устремляюсь к притормаживающему недалеко от стайки щебечущих девчонок такси. Ныряю в салон, откидываясь на сиденье, и лезу в мобильник. Чтобы зачем-то пересматривать фотки Мота с посвята.

Властный. Дерзкий. С нахальным взглядом. Не парень – беда. Причем беда, с которой нам придется бок о бок существовать под одной крышей.

За этим глупым занятием дорога проносится, как пара секунд, автомобиль паркуется у высоких ворот, и водитель выразительно покашливает. Намекая, что мне пора покидать гостеприимное транспортное средство, а ему – отправляться за новым клиентом.

– Спасибо.

Выдыхаю бесцветно и ставлю пять звезд в приложении, выбираясь наружу. А дом встречает меня благостной тишиной, и я начинаю мечтать о горячей ванной. Способной согреть мои отчего-то замерзшие конечности.

Поднимаюсь к себе неторопливо, с негромким щелчком опускаю вниз ручку и никак не ожидаю увидеть в спальне Матвея, по-хозяйски развалившегося в моем кресле и жующего тонкую соломинку. Его густые черные, словно смоль, волосы растрепаны, как будто кто-то намеренно ерошил их пальцами, а в темно-карих глазах гуляют опасные золотистые всполохи. И это выдергивает меня из равновесия. Выбивает из колеи, вынуждая до крови прикусить нижнюю губу.

Во рту все пересыхает, как будто я не пила неделю. Сердце гроыхает в грудной клетке. И я никак не могу собраться с мыслями, пока Зимин-младший открыто наслаждается моим ступором.

– Что хотел?

– Ничего. Вещи твои вернуть.

Ухмыляется издевательски. Расставляет широко ноги, подается вперед, упирая локти в колени, и кивком указывает на пол, где валяется мой растянутый рюкзак. И я до противного тремора боюсь спрашивать, на месте ли мой дневник.

– Как прошла пара, сестренка?

Небрежно интересуется Мот, а у меня от набившего оскомину обращения все внутри клокочет и кипит, провоцируя нешуточную бурю. И я стряхиваю с себя гипнотическое оцепенение и складываю руки на груди в защитном жесте.

– Без твоей ненависти и косых взглядов Крестовского? Скучно.

Собираюсь пустить еще какую-нибудь шпильку и набираю в легкие воздуха, только вот атмосфера в комнате резко меняется. Матвей порывисто встает, пугая меня исходящей от него злостью, стены начинают давить, а просторная спальня вдруг становится слишком тесной для нас двоих.

– В следующий раз мы это обязательно исправим.

Совершенно серьезно обещает Зимин-младший и походя мажет большим пальцем по моей нижней губе, отчего растекшийся по ладоням страх переплетается с жидким огнем, разливающимся внизу живота. И я примерзаю к мягкому пушистому ковру, пока Мот сваливает, громко хлопая дверью и витиевато матерясь.

Раз. Два. Три. Четыре...

Делаю несколько глубоких судорожных вдохов и бегу проверять содержимое своего многотрадального рюкзака. Странно, но в нем нет нидохлых жаб, ни гадюк, ни еще какой-нибудь гадости. Конспекты целехоньки – без вырванных страниц или испортивших ровные строчки чернил. И даже дневник никуда не делся.

Я с трудом верю, что Матвей не воспользовался таким удобным моментом, чтобы нарыть на меня компромат, и еще долго сижу на корточках, не в силах унять лихорадочное сердцебиение. Пропускаю ужин, соврав маме, что поела до их возвращения, рано ложусь в кровать, натя-

гивая одеяло до подбородка, и не могу сопротивляться опутывающей меня прочными сетями дремоте.

Организм слишком устал, чтобы выдержать еще один раунд против такого соперника, как мой будущий сводный брат.

– Доброе утро, дочь. Надеюсь, у тебя никаких важных планов? Сережа хотел провести день с семьей.

Вместе с солнечным светом, пробирающимся в окно, мама будит меня тихим стуком и выглядит цветущей, как никогда. Запахивает полы длинного атласного халата благородного винного цвета и улыбается. Мне же хочется, как в детстве, добавить капельку йода на хлеб, когда она отвернется, сослаться на повысившуюся температуру и валяться в постели, изображая слабость и простуду.

Только вот Мот пристально следит за каждым моим движением, и я никак не могу решиться провернуть шалость у него под носом.

Спалит ведь.

Так что после сытного завтрака дом мы покидаем вчетвером и живо трамбуемся в блестящий отполированными боками джип, который невероятно идет Зимину-старшему. По крайней мере, представить этого уверенного в себе мужчину за рулем другого автомобиля я не могу.

– Не поверишь, Вер, я впервые взял отпуск за последние три года.

С теплотой в бархатном баритоне сообщает маме Сергей Федорович, умело управляя огромным черным внедорожником, и что-то негромко мурлычет, как большой сытый кот. В то время, как мы с Матвеем сидим одинаково хмурые сзади и вынужденно делим наполненное электричеством пространство.

Нет сомнений, дотронься я до Зимины-младшего, между нами проскочит убийственной силы разряд.

– И я лет пять в отпуске не была до нашего с Сашей переезда в Москву.

Без тени сожаления по поводу бывшей работы, на которой она зачастую задерживалась дотемна, говорит мама и с искренним интересом рассматривает устремляющиеся в небо высотки. Прижимается носом к стеклу и испуганно ойкает, когда наш джип неожиданно кидает в сторону. Потому что из ниоткуда выскакивает ярко-желтый спорткар и хамовито подрезает дисциплинированных водителей.

Ну, а я больше ничего не вижу, потому что меня подбрасывает над сидением и швыряет Матвеем прямо на колени. И я утыкаюсь носом в его потертые джинсы и чувствую, как меня надежно придавливает сверху тяжелой рукой.

Жарко. Неправильно. Стыдно.

– Урод!

– Дура!

Обмениваемся любезностями хриплым шепотом, как только нажим его пальцев ослабевает, и я торопливо занимаю прежнее место. И, как по команде, натягиваем на хмурые лица фальшивые улыбки, стоит встревоженной маме к нам повернуться.

– Дети, вы в порядке?

– Да.

– Да.

Повторяю за Мотом нестройным эхом и замолкаю до конца дороги, как будто губы спа-яли клеем. Ни за что не признаюсь, что в груди сейчас взрываются разноцветные фейерверки, заставляя сердце замирать пойманной в силки птицей.

А на горизонте уже маячит многоэтажный торговый центр, где можно найти все, начиная от самых дешевых канцелярских принадлежностей, заканчивая баснословно дорогими «Ролексами». Где можно потеряться от разнообразия еды в ресторанном дворике, сыграть в боулинг на минус первом этаже или зависнуть в кинотеатре на четвертом.

И, пока я перебираю в уме варианты возможного времяпрепровождения, Зимин-старший ловко толкает джип вперед и виртуозно занимает освободившийся пятак недалеко от входа. Так, что нам не приходится долго идти, чтобы попасть внутрь.

– Опять шоппинг? – неверующе выпаливаю я, когда мы вчетвером останавливаемся у бутика с одеждой из Милана, и с восхищением залипаю на струящихся платьях, которыми хвастаются безликие манекены.

– Конечно. Вы с мамой должны быть самыми красивыми на свадьбе.

Безапелляционно заявляет Сергей Федорович и осторожно подталкивает меня вперед – к разноцветному великолепию из атласа, шифона и органзы. Я же скорее упаду в счастливый обморок, чем сделаю выбор между ярко-синим и насыщенным изумрудным нарядом.

– Как думаешь, что подойдет твоей сестре, Матвей?

Вот черт!

Оборачиваюсь нарочито медленно, мысленно ругая за непрошеное вмешательство маму, и застываю, приготовившись к очередной подколке или оскорблению. Ковыряю носком белоснежных кед полированный пол и с удивлением наталкиваюсь на абсолютно серьезного Мота, не собирающегося шутить на тему содержанки из провинции.

– Вот это. Примерь.

С опаской я принимаю из его рук длинное платье цвета Шампани с корсетом, расшитым перламутровыми бусинами, и стремительно скрываюсь в кабинке под трогательное мамино «такая она взрослая стала».

Неуклюже стаскиваю с себя самые обычные джинсы и розовый джемпер и очень долго пытаюсь застегнуть молнию дрожащими пальцами. Оцениваю свое растерянное отражение с лихорадочным румянцем на щеках и отдаю должное вкусу сводного брата прежде, чем выйти на общий суд.

– Потрясающе!

– Великолепно, дочь.

Радостно вторят друг другу родители, и только Мот молчит, очерчивая линию моего декольте темнеющим взглядом. Удовлетворенно кивает, недвусмысленно намекая, что я без него бы не справилась, и вынуждает стрелой лететь в примерочную и торопливо напяливать безопасные шмотки.

А затем настает черед Матвея быть моделью, и я не могу отрицать, что черная рубашка и такого же цвета пиджак, идеально повторяющий изгибы его поджарого тела – лучшее, что только может быть в мужском гардеробе. По крайней мере, имеющиеся там свитшоты и поло явно проигрывают бессменной классике.

– Слюни подбери.

С едким смешком шепчет Зимин-младший, беспечно фланируя к кассе мимо меня, и заодно улыбается молоденькой продавщице с родинкой у виска. Недолго с ней флиртует, стреляет номер телефона и возвращается к нам, заставляя мою эйфорию от удачных покупок немного померкнуть. И я хочу поинтересоваться, а может ли он быть со мной так же любезен, как с ней, но мои слова тонут в баритоне Сергея Федоровича.

– Ну, что, в кино?

– Пожалуй.

– С удовольствием!

Соглашаются наперебой Матвей с мамой, и мне не остается ничего другого, как уныло плестись за ними и нырять в темный зал. Располагаться в мягком кресле и делать вид, что происходящее на экране мне хоть капельку, но интересно.

– Расслабься, Саша, – наклоняется к моему уху Мот, обжигая кожу дыханием, и производит с показным равнодушием: – скоро у отца закончится отпуск, и не нужно будет изображать образцово-показательную семью.

– А, может, ты дашь всем нам шанс, и мы попробуем ею стать?

– Может...

Снова ошарашивает меня Зимин-младший до того, как я вылью на него тонну железобетонных аргументов, и примирительно тянет ведро с попкорном. После окончания сеанса придерживает передо мной дверь, отодвигает стул в кафе, куда мы заглядываем перекусить, и очень советует попробовать шоколадный мокко.

И я расслабляюсь, поверив, что сводный брат отбросил негатив и решил сделать шаг навстречу. С энтузиазмом делю с ним заднее сидение внедорожника, делюсь трудностями с английским в универе и позволяю проводить меня в спальню и сгрузить пакеты на кровать.

– Спасибо, Матвей.

Провожая Зимина до двери, робко улыбаясь, закрываю замок и снова примеряю выбранное нами платье. А спустя полчаса обнаруживаю, что в верхнем ящике тумбочки нет родительских обручальных колец...

Глава 11

Мот

Пять шагов прямо по коридору, поворот направо, и ручку вниз до щелчка. Нашарить в кармане небольшую прямоугольную коробку, вытащить на свет и спрятать подальше, чтобы не мозолила глаза.

Глупый поступок, мальчишеский. Который вряд ли что-то кардинально изменит, максимум – отсрочит. И то ненадолго.

Шумно выдыхаю и сваливаю пакеты с новым шмотьем в угол, освобождаюсь от серой толстовки с широким воротом, швырнув ее прямо на пол, и падаю в кресло, откатываясь к стене.

Методично разминаю пальцы, щелкая костяшками, мну закаменевшую шею и планомерно давлю в себе проклевывающиеся ростки жалости к Александре. Бариновых здесь быть не должно. Точка.

– Привет, крошка.

Мажу взглядом по ожившему телефону, тапаю на зеленую трубку и окунаюсь в игривые нотки Настиного голоса, настраивающего меня на благодушный лад.

– Привет, Матвей.

Произносит Шарова с придыханием, и я отчетливо представляю, как она ходит по своей спальне в короткой шелковой пижаме, как устраивается на постели, кокетливо запрокинув голову, и как накручивает на палец блестящий локон.

– Как дела?

– Плохо, – с притворной печалью говорит она и, выдержав паузу, поясняет: – по тебе скучаю. Ты на нас совсем забил, тусишь непонятно где, непонятно с кем. Где тебя носит, Мот?

Настя стреляет в меня вопросом, как будто имеет на это право, и я позволяю ей в это поверить, кидая дешевую отмазку.

– Семейные обстоятельства.

– Неужели нельзя было отложить?

С обидой тянет Шарова, и я даже задумываюсь на пару секунд, а что, если бы я опрокинул родителя с поездкой в торговый центр и погнал бы с ребятами на арену – нарезать круги, палить резину и целоваться с девчонками, выплескивая излишки адреналина.

Слышу, как в мозгу скрипят несмазанные шестеренки, только к какому-то конкретному ответу прийти не успеваю, потому что Саша с силой толкает дверь и маленьким смерчем врывается ко мне в комнату, застыв в метре от порога и уперев маленькие кулачки в бока.

– Нельзя. Перезвоню, Настя. Занят.

Нетерпеливо сбрасываю вызов, не обращая внимания на то, что верещит на том конце провода Шарова, и переключаюсь на гостью, впервые ввалившуюся в мое логово так бесцеремонно. Ее волосы длинные рассыпались по спине, белая хлопчатобумажная майка опасно обтянула аккуратную грудь, а мешковатые домашние штаны сползли на бедра, оголив тонкую полоску плоского живота. Фак.

– Что хотела?

Роняю чуть более хрипло, чем нужно, и откашливаюсь, сцепляя руки в тесный замок. Не поднимаюсь ей навстречу и не предлагаю занять одно из валяющихся рядом с кроватью кресел-мешков, нагло скользя тяжелым взглядом по изящной фигурке.

Вижу, как Баринова поджимает пальцы ног, как будто ей холодно или неудобно. Фиксирую лихорадочно бьющуюся венку на шее и румянец, алыми пятнами окрасивший щеки, тоже замечаю.

– Это глупо, Матвей! Неужели ты думаешь, что родители отменят свадьбу из-за пропажи колец?

Сашка привстает на носочки, чтобы казаться выше, но все равно не чувствует себя хозяйкой положения. Возвращается на пятки, взъерошивает густые пряди цвета темного шоколада и упорно пытается найти во мне что-то человеческое.

– Отдай, пожалуйста, Мот.

Выводит меня из себя своей покладистостью, и я резко подрываюсь, вскочив на ноги. Пересекаю разделяющие нас сантиметры и нависаю над Бариновой, задыхаясь от запаха ее кожи, перемешавшегося с едва уловимым ароматом апельсина. Который в считанные секунды заполняет легкие и включает во мне неправильные кнопки, пробуждающие желание впиться выматывающим поцелуем в приоткрытые губы сводной сестры.

И осознание всего этого бардака бесит меня даже больше, чем бретелька, медленно сползающая с плеча девчонки.

– Выметайся отсюда, Саша. Живо!

– Губу закатай, Матвей, – иронично фыркает Александра, до предела натягивая канат моих нервов, и показывает язык, обнажив ровные белые зубы. Ловко ныряет мне под руку и в несколько шагов перемещается к компьютерному столу, засунув свой вздернутый любопытный нос туда, куда ее не просили.

Инспектирует содержимое ящиков одного за другим, натывается сначала на нетронутые, девственно чистые учебники, затем – на полупустой баллончик для граффити. И, в довершение, обнаруживает вскрытую пачку с презервативами. Торопливо опускает ее обратно, шурша целлофаном, и отпрыгивает к огромному во всю стену шкафу, потупив глаза.

А меня, как ни странно, умиляет ее реакция на нормальную для мужского жилища находку. И ямочки эти на ее покрасневших щеках трогают, заставляя на пару мгновений забыть о собственной злости и скрупулезно составленном плане по избавлению от семейства Бариновых.

– Извращенец!

– Как раз наоборот. Обычный пацан.

С легким азартом вступаю в пикировку со сводной сестрой и возвращаюсь обратно в кресло, закинув ногу на ногу. Вальяжно облокачиваюсь на спинку и с предвкушением жду, когда Сашка захочет изучить содержимое моего гардероба и дернет на себя массивные резные ручки.

Что она тут же и делает.

– Ауч!

Только и успевает выдохнуть Александра, прежде чем оказывается погребенной под кучей моих свитеров, футболок и спортивных штанов. И где-то в глубине души я, пожалуй,

рад, что борд приземляется в полуметре от ее симпатичной задницы, а не пробивает с грохотом ее макушку. Потому что везти пока еще не родственницу с сотрясением в больницу накануне крутой вечеринки мне совсем не улыбается.

– Ни в голове порядок не можешь навести, ни в шкафу, ни в жизни!

Обиженно сопит младшая Барина, вместо заветной коробочки получившая ворох мужского нижнего белья, и осекается, встречаясь взглядом с прибежавшей на устроенный нами шум Верой Викторовной. Отодвигает от себя подальше мои белые «Кельвины Кляйны», водит тыльной стороной ладони по ковру и стремительно пунцует, силясь выдавить застрявшие в горле слова.

– А Саша пообещала мне помочь убраться, представляете? Так мило с ее стороны.

Поднимаюсь навстречу недоверчиво изогнувшей бровь женщине и вешаю на лицо самую серьезную маску из своего богатого арсенала. Стойко выдерживаю проверку, проглотив рвущийся наружу искрящийся смех, и намеренно закрываю Александру от ее матери. Чувствуя, как пара горящих синих глаз рисует между моих лопаток мишень, а их хозяйка втыкает туда пару десятков воображаемых кинжалов.

– Потом с этим закончите, а сейчас спускайтесь ужинать.

Окончательно успокаивается или же держит при себе закономерные выводы моя будущая мачеха и оставляет нас с Сашей наедине, неслышно выскальзывая в коридор в не издающих ни единого звука мягких пушистых тапочках. Я же убеждаюсь, что дверь плотно закрыта, после чего выдергиваю Александру из вороха ткани.

– Лжец!

Передернув плечами, девчонка тыкает пальцем мне в грудь и умудряется попасть в самое чувствительное место, как будто нарисовала карту триггерных точек на моем теле и заучила ее наизусть. А я в это же мгновение ее цепляю, до одури желая вывести на эмоции.

– Еще.

– Извращенец!

Охотно ведется на мою провокацию распалюющаяся Александра и моментально ловит очередную подначку, уничтожающую ее показное благоразумие.

– Еще.

– Урод! Козел! Хам!

Теряет поводья ослабшего контроля раскрасневшаяся Сашка, выстреливает в меня пулеметной очередью из едких слов и поливает огнем сверкающих синих озер, только оказывается совершенно не готова к тому, что я поймаю ее за запястья, резко придвину к себе и замру в каких-то жалких пяти сантиметрах от ее губ.

– А на посвяте ты говорила совсе-е-ем другое...

Глава 12

Саша

Брошенная низким шепотом фраза вгоняет меня в состояние, близкое к ступору, и я теряюсь в напоре Матвея и тщетно пытаюсь прочесть в его темно-карих глазах ответы на мучающие меня вопросы.

Что им движет сейчас, когда он так крепко держит мои руки? Что он бы испытывал ко мне, если бы моя мать не собиралась замуж за его отца? И почему я напрочь теряю рассудок, стоит его пальцам коснуться моей кожи?

– Тогда я еще не знала, какой у тебя ... отвратительный характер.

Выплываю Моту прямо в лицо, наивно просчитываю несуществующие варианты отступления и обреченно выдыхаю, не найдя ни одного. А уже в следующую секунду Зимин

вжимает меня в стену, запускает по телу мощнейшие электрические разряды и бесит своей фирменной ухмылкой «ты-от-меня-без-ума-детка».

И я могу сколько угодно врать самой себе, что меня не трогает эта опасная близость с привкусом миндаля и карамели. Но от этой лжи вряд ли перестанут подкашиваться колени, а сердечный ритм по волшебству придет в норму.

– Даже если бы и знала, это ничего бы не изменило.

Саркастично хмыкнув, утверждает Мот, и самое отвратительное – он прав. Я упиваюсь его древесным парфюмом, забившимся в ноздри, и превращаюсь в комок нервов в ожидании запретного жаждающе-жадного поцелуя.

– Саша! Матвей!

А потом объективная реальность врывается в это полное напряжения мгновение, расталкивает нас по разным сторонам, и я первая вылетаю из комнаты сводного брата и торопливо скатываюсь по лестнице. На ходу поправляю растрепавшиеся волосы, надеюсь, что никто не заметит ярко-малиновых пятен на моих щеках, и занимаю привычное место между мамой и Сергеем Федоровичем за накрытым на четыре персоны столом.

Пропускаю мимо ушей их беззаботную болтовню, кое-как заталкиваю в себя овощную лазанью, запивая ее безвкусным слабым чаем без единой ложки сахара, и избегаю сталкиваться взглядом с Мотом. Который спустился на кухню как ни в чем не бывало и теперь с завидным аппетитом поглощает блинный пирог, заедая его свиной отбивной, как будто наши стычки ни капли его не волнуют.

– Завтра буду поздно, не ждите. С одноклассниками у Насти зависнем.

– Сашу с собой возьми.

Отвлекившись от беседы с моей мамой, Зимин-старший отдает сыну команду не терпящим возражений тоном и тут же возвращается к обсуждению приближающейся скоростным экспрессом свадьбы, а у меня желудок ухает в пятки. Единственное, чего я сейчас хочу – так это провалиться в подвал или еще глубже, лишь бы исчезнуть с горизонта Матвея.

Мысленно «поблагодарив» Сергея Федоровича, я резво заканчиваю трапезу и запираюсь у себя в комнате, с ужасом думая о том, как завтра поеду с Мотом на учебу в одном авто. Долго ворочаюсь, плохо сплю и напоминаю себе Бритни Спирс в ее худшие времена, увидев отражение в зеркале поутру.

Я намеренно тяну время, несколько раз умываюсь, стараюсь избавиться от залегших под глазами синих кругов, и трачу непозволительные двадцать минут на макияж. Нырять в то самое красное платье, которое купила с так не понравившимся Моту комбинезоном, решив, что хуже уже не будет, и, как приговоренная к смерти, плетусь в гараж.

Правда, момент моей казни откладывается, потому что за рулем внедорожника меня встречает жизнерадостный Зимин-старший. Он поправляет воротник своего безукоризненного белоснежного поло, распахивает передо мной дверь и хлопает ладонью по кожаному сидению.

– Запрыгивай, Саша. Сегодня я тебя отвезу. Матвею друзья какие-то позвонили, и он умчался, как ошпаренный.

Натянуто улыбнувшись будущему отчиму, я располагаюсь в кресле и предусмотрительно проглатываю вертящиеся на языке язвительные комментарии в адрес Мота. Болтаю ногой в такт негромкой музыке, заливающей салон, и радуюсь внезапной передышке в ставшем привычным противостоянии. Только вот в полной мере насладиться почти постигнутым дзенем мне не дают.

– Александра, мой сын... он бывает грубым, упертым, жестким. В общем, если у вас возникнет конфликт, тебе стоит обо всем рассказать мне. Матвей тебе досаждаёт?

От былого спокойствия не остается и следа, и я вздрагиваю от того, что Сергей Федорович попадает в нужную точку. Мешкаюсь, прикидывая последствия возможной откровенности, и набираю полные легкие воздуха, опустив ресницы.

Воздух в машине стремительно густеет, волнение становится практически осязаемым, и я облизываю губы, собираясь с минуты на минуту сдать сводного брата с потрохами. Только в последнюю секунду в сознание вклинивается постулат «ябедничать нехорошо, Саша», загорающаяся огромными неоновыми буквами и мешая выложить правду, как на духу.

– Все в порядке, Сергей Федорович. Спасибо за заботу. Вы не возражаете?

Вывалив на будущего отчима свою корявую ложь, я выуживаю из сумки тетрадь и прячусь туда вместе с носом, притворяясь, что повторяю лекцию. Хотя заданный вопрос все еще стучит в ушах набатом и не дает сконцентрироваться на простейшем материале.

К счастью, Зимин-старший либо не обладает выдающимся чутьем по отношению к женщинам, либо позволяет мне врать. Так что к университету мы подъезжаем в блаженной тишине, изредка перемежающейся гудками автомобильных клаксонов и тихим насвистыванием расслабленного Сергея Федоровича.

– Спасибо.

От души благодарю подмигивающего мне мужчину и свободной птицей выпархиваю на улицу, поправляя полы новенькой кожаной куртки и разглаживая складки на ставшем любимым платье. И грациозно шествую к виднеющимся невдалеке ступенькам, пока прохладный ветер путается в моих волосах.

– О, Барина! Папика себе нашла? Правильно. Таким, как ты, по-другому в Москве не пробиться.

Пропитанный ядом комментариев врежется между моих лопаток, и я вынужденно обращаюсь, встречаясь взглядом с одной из признанных красавиц нашей группы – Анастасией Шаровой. На полголовы выше меня, с длинными стройными ногами, округлыми бедрами и пышной грудью она магнитом притягивает мужское внимание, и я ей в этом проигрываю.

По крайней мере, застывшая рядом с ней пятерка рыцарей следит за каждым ее жестом и не спешит прийти на помощь девчонке из провинции. И если высокий парень спортивного телосложения в белой худи и свободных черных штанах просто меня изучает, то уже знакомый Крестовский мерзко хихикает, что-то нашептывая звезде местного разлива на ухо. Отчего хочется обхватить себя за плечи, закрываясь, и сбежать, чтобы раствориться в безликой массе студентов.

Но я не могу, потому что стоящий чуть в стороне Мот исподволь за мной наблюдает и кривится так, будто только что сожрал целое ведро отборных лимонов.

– Я обязательно поинтересуюсь твоим мнением, Настя, если оно станет мне интересно, – на мгновение делаю вид, что задумалась, а потом припечатываю, на удивление, громким уверенным голосом. – Не станет.

Стремительно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, чудом удерживаясь на высокой платформе новеньких туфель, и резвым сайгаком скачу ко входу, пока меня не догнали очередные гадости.

Залетаю в аудиторию, как будто за мной мчится стая шакалов, и грузно опускаюсь рядом с Иринкой, молясь, что пара начнется раньше, чем на нее явится золотая молодежь. В сотый раз одергиваю подол яркого платья и раза с третьего разбираю, что пытается мне втолковать взволнованная Зайцева.

– Сашка! Саня! Санечка!

Осторожно трогает меня за запястье подруга и смотрит так умилительно-жалобно, что я понимаю, что ни за какие коврижки не смогу ей отказать, о чем бы она ни попросила. Даже если нужно будет прыгнуть с крыши, положить голову на рельсы перед поездом или взять из питомника бультерьера.

– Ты же составишь мне компанию, правда?

– В чем?

Обреченно вздыхаю и тут же выпрямляюсь, расправляя плечи и вздергивая подбородок в то время, как нас минуют короли жизни, с которыми я уже успела столкнуться. Тихо выпускаю воздух из легких, когда ребята забираются на привычную галерку, искупав меня в тонне презрения, и возвращаюсь к прерванной беседе.

– У Шаровой вечеринка! Вся группа приглашена.

– Нет, Ира!

Бросаю запальчиво и вжимаю локти в столешницу, сцепляя пальцы в замок. Ощущаю характерное покалывание в области поясницы и искренне верю, что точки пересечений с Матвеем и его шайкой лучше свести к минимуму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.